

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОБЪЯСНЕНИЮ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

Дуглас С. Норт, Джон Джозеф Уоллис, Барри Р. Вейнгаст**

Резюме

Ни экономическая теория, ни политология не могут объяснить процесс современного общественного развития. Тот факт, что в развитых странах всегда имеется развитая экономика и развитая политика, говорит о том, что связь между экономикой и политикой должна составлять существенную часть процесса развития. В данной статье представлена теория, объединяющая экономику и политику. Мы показываем, каким образом еще 10 000 лет назад начал формироваться социальный порядок с ограниченным доступом, который позволял сдерживать насилие, обеспечивал порядок и содействовал росту производства за счет специализации и обмена. Социальные порядки с ограниченным доступом используют политическую систему для ограничения доступа к экономике с целью извлечения ренты, которая в дальнейшем стабилизирует политическую систему и сдерживает насилие. Такой тип политико-экономического устройства мы называем естественным государством. Оно представляется нам естественным способом организации человеческого общества, в том числе в подавляющей части современных стран. В противоположность этому, в некоторых развитых странах сложился социальный порядок с открытым доступом. В таком обществе свободный доступ к экономическим и политическим организациям содействует экономической и политической конкуренции. Социальный порядок здесь поддерживается за счет конкуренции, а не получения ренты. Ключ к пониманию процессов современного общественного развития лежит в изучении перехода социального порядка с ограниченным доступом к порядку с открытым доступом, который установился лишь в небольшом числе стран после Второй мировой войны.

Классификация JEL: A0, K0, K22, N0, N4, N40, O1, O4, P0, P1, P16, P2

1. ВВЕДЕНИЕ

Основополагающий вопрос экономической истории можно сформулировать двояким образом: почему некоторые страны добились устойчивых темпов экономического роста и развития в конце XVIII и начале XIX вв.? или Почему в

* North, D., Wallis, J.J., Weingast, B.R. (2006) A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History, *NBER Working Paper* 12795. © 2006 Douglass C North, John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast.

** Дуглас С. Норт – профессор Вашингтонского университета (Сент-Луис, США), e-mail: batt@artsci.wustl.edu; Джон Джозеф Уоллис – профессор университета Мэрилэнд (США), e-mail: wallis@econ.umd.edu; Барри Р. Вейнгаст – профессор Стэнфордского университета, e-mail: Weingast@stanford.edu.

течение последних трех столетий большинство стран не смогли добиться устойчивого экономического роста? Какой исторический процесс(-ы) породил(-и) в XX в. в некоторых странах институты, способные обеспечить устойчивое экономическое развитие — при том, что в большинстве стран попытки сформировать процветающие рынки, конкурентную и стабильную политику и культуру, которые способствовали бы росту накоплений большинства населения, потерпели неудачу? Экономисты вполне убедительно доказали, что экономическое развитие не объясняется ни одним фактором — ни денежными накоплениями, ни человеческим капиталом, ни запасами ресурсов, ни международной торговлей или географическим положением страны, если приводить некоторые известные примеры. На наш взгляд, вместо этого ключом к объяснению того, почему некоторые страны способны к устойчивому экономическому и политическому развитию, служат сложные способы организации отношений между людьми — институты, упорядочивающие экономические, политические, религиозные и другие отношения (North (1981, 1990); Acemoglu, Johnson and Robinson (2002); Greif (2005); Rodrik, Subramian and Trebbi (2004)). Каковы фундаментальные различия политических и экономических институтов развитых и неразвитых стран?

В основу нашего ответа на этот вопрос положено следующее наблюдение Норта (North (1991)): **тогда как институты служат общими рамками поведения людей, сложные социальные взаимодействия осуществляются посредством организаций.** Объяснение общественного развития требует изучения того, каким образом институты формируют типы организаций, необходимые для устойчивого общественного развития. В развитых странах в изобилии имеются весьма разнообразные сложные организации, способные производить товары и услуги, осуществлять исследования и разработки, координировать индивидуальное поведение в масштабах, которых ранее не знала история человечества.

Безусловно, в любом обществе главной и самой влиятельной организацией является государство. Любое общество должно решить фундаментальную проблему обеспечения социального порядка. Проще говоря, следует предотвратить или ограничить насилие одних людей над другими. Обеспечение порядка является первоочередной функцией государства.

Мы дадим общее описание концептуального подхода, вернее, наметим в общих чертах подход, который может пролить свет на важнейшие структуры, позволяющие упорядочивать человеческие сообщества. Поддержание социального порядка требует развития государственной организации, способной ограничивать насилие, и это требует взаимодействия политической и экономической систем. Главным достижением нашего подхода является интеграция теорий экономического и политического поведения; мы показываем, каким образом политическая система влияет на экономику в целях поддержания политической стабильности, ограничения насилия и обеспечения социального порядка.

Исторически социальный порядок устанавливался тремя способами. Первый социальный порядок преобладал в неписаной истории человечества: это

первобытный строй – общество охотников и собирателей. Второй социальный порядок господствовал последние 10 000 лет, составляющих писаную историю человечества: это *социальный порядок с ограниченным доступом*, который решает проблему сдерживания насилия при помощи политического воздействия на экономическую систему в целях получения ренты путем ограничения доступа к экономике ради обеспечения социальной стабильности и порядка. Мы показываем, что насилие угрожает возникновению ренты, так что те индивиды, которые ее получают, заинтересованы в сдерживании насилия и поддержке существующего строя. Третий вид социального порядка появился 300 лет назад: это *социальный порядок с открытым доступом*, позволяющий поддерживать порядок посредством политической и экономической конкуренции, а не создания ренты. Социальный порядок с открытым доступом сложился примерно в 24 странах, и все они являются развитыми как в экономическом, так и в политическом отношении.

Расширение предмета нашего исследования за счет объединения экономической и политической системы делает необходимым введение понятия социального порядка. Социальный порядок состоит из ряда систем: экономической, политической, военной и религиозной. Каждый из трех основных видов социального порядка: **первобытный, с ограниченным доступом и с открытым доступом** – характеризуется особой структурой организаций. Организации представляют собой группы индивидов, ориентированные на достижение более или менее одинаковых целей. Подавляющая часть человеческой деятельности предполагает ту или иную степень кооперации между индивидами, и в силу того что кооперация и координация непосредственно влияют на производительность, способность сохранять сложные организации играет ключевую роль в обеспечении экономического роста.

Институциональная структура общества определяется типом организаций, которые могут создаваться и сохраняться. Первобытный социальный порядок не может обеспечить функционирование сложных организаций. Социальный порядок с ограниченным доступом способен поддерживать сложные организации, но налагает ограничения на их количество. Такой социальный порядок предполагает создание и распределение ренты путем ограничения возможности создавать организации. Социальный порядок с открытым доступом обеспечивает свободный доступ к организациям. Это содействует экономической и политической конкуренции, результатом чего является широкий круг сложных экономических и политических организаций.

Особенности формирования человеческих организаций в рамках социального порядка также позволяют предсказывать характерные черты общества в целом. Для социального порядка с ограниченным доступом характерны систематическое создание ренты, рыночная власть, привилегии и различия между элитами и другими слоями общества; при этом он препятствует процветанию рынков и долгосрочному экономическому развитию. Для социального порядка с открытым доступом характерны постоянная конкуренция, свобода входа на рынок и мобильность; к тому же он содействует процветанию рынков и долгосрочному экономическому развитию.

Все экономически развитые страны развиты и в политическом отношении. Источник развития кроется в переходе от социального порядка с ограниченным доступом к социальному порядку с открытым доступом. Наш подход подразумевает органическую связь между политической и экономической системами и предполагает, что обе они являются частями единого социального порядка. То, что мы называем теорией двойного баланса, предполагает, что экономическая и политическая системы движутся к социальному порядку либо с ограниченным, либо с открытым доступом. Двойной баланс подразумевает, что коренные изменения в какой-либо одной – экономической или политической – системе невозможны без коренных изменений в другой системе. Понимание того, какие силы обеспечивают баланс между политическими и экономическими институтами, имеет принципиально важное значение для объяснения, с одной стороны, стабильности различных социальных порядков и, с другой стороны, перехода общества от ограниченного доступа к открытому. В этом случае нет ничего удивительного в том, что и экономически развитые страны, и международное сообщество доноров терпят неудачи в своих попытках изобрести формулу экономического развития, отталкиваясь от инкрементных* политических изменений.

В начале нашей статьи мы излагаем логику развития институтов, способных ограничивать насилие. Мы называем их естественным государством. Логика естественного государства подразумевает ограниченный доступ и тем самым предполагает приведение в действие социального порядка с ограниченным доступом. Располагая логикой естественного государства, мы уточняем определения понятий. Затем мы более подробно описываем социальный порядок с ограниченным и открытым доступом. В заключительном разделе статьи представлена логика объяснения перехода общества от ограниченного к открытому доступу. Объяснение процесса перехода – это «священный Грааль», поскольку это и есть процесс современного общественного развития.

2. ЛИТЕРАТУРА

Во многих аспектах наш концептуальный подход логически вытекает из большого числа работ по политической экономии развития. Литература по данной проблематике обширна, но мы имеем в виду четыре конкретные области исследования. В любом случае мы рассматриваем нашу работу как дополнение, а не замену существующих идей и эмпирических результатов. В нашем кратком обзоре представлен ряд наиболее выдающихся литературных источников, и он не претендует на то, чтобы быть окончательным и исчерпывающим.

В течение двух последних десятилетий в экономической литературе по проблемам развития использовались данные о показателях развития широ-

* Инкремент (increment) – приращение, прирост. Имеется в виду недискретный характер институциональных изменений, для которых типично перетекание, обычно весьма полное, содержания старых институтов в новые (Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. Пред. и научн. ред. Б.З. Мильнера. Фонд экономической книги «Начала». М., 1997. С. 18) – *Прим. перев.*

кого круга стран в течение значительных периодов времени, послужившие источником множества межсекторальных и панельных исследований. Самое непосредственное отношение к нашей работе имеют труды Норта, в которых подчеркивается значение институтов (North (1981, 1990)), и исследования достоверных обязательств (North and Weingast (1989); Levy and Spiller (1994); Acemoglu and Robinson (2005)). Особое внимание, которое Асемоглу и Робинсон уделяют тому, каким образом элиты могут заниматься управлением, разделяя власть между собой, напрямую перекликается с нашими идеями о переходе общества от ограниченного к открытому доступу. Решающая роль устойчивости институтов, которую подчеркивали Асемоглу, Джонсон и Робинсон (Acemoglu, Johnson and Robinson (2002)), а также Энгерман и Соколов (Engerman and Sokoloff (2005)), служит важным доказательством стабильности естественного государства как социального порядка и одновременно порождает чрезвычайные сложности в переходе от одного порядка к другому. Значение институтов как объясняющих переменных в количественном анализе долгосрочного роста подчеркивается в работе Родрика, Субрамяна и Требби под названием *Institutions Rule* (Rodrik, Subramanian and Trebbi (2004); см. также Greif (2005)). В ряде работ особое внимание уделяется правовым нормам и принципам управления (Knack and Keefer (1994); La Porta, Djankov, Glaeser, Lopes-de-Silanes and Shleifer (2003); Kauffman and Kray (200*)).

Вторая важная область исследований известна как новая институциональная экономика (НИЭ). Совсем недавно крупный вклад в нее внес Гриф (Grief (2005)), но исследования в этой области ведутся по меньшей мере с момента выхода работы Коуза *Природа фирмы* (Coase (1937)), в которой содержались плодотворные идеи. Теория фирмы занимает существенное место в работах по НИЭ, особенно в трудах Уильямсона (Williamson (1985)), Милгрона и Робертса (Milgrom and Roberts (1992)), которые среди прочего разработали идею о заслуживающих доверия обязательствах в пределах организаций, благодаря которым возможны самовыполняющиеся соглашения, позволяющие соблюдать условия контрактов даже без участия государства в качестве третьей стороны. Проникновение в суть структуры естественного государства со всей очевидностью вытекает из этих работ.

Второе направление НИЭ, представленное трудами Норта (North (1981, 1990)), Олсона (Olson (1982, 1993)), Леви (Levi (1988)) и Барцеля (Barzel (2001)), сосредоточивает внимание на теории государства. Мы опираемся на базовые выводы этих авторов, однако идем дальше, недвусмысленно рассматривая государство как организацию, позволяющую нам четко определить, каким образом взаимодействуют политика и экономика. Однако мы отрицаем взгляды Олсона на роль организованных групп. При социальном порядке с открытым доступом их количественный рост приводит не к негативным, а к позитивным последствиям.

Третье направление НИЭ занимается познавательными способностями, убеждениями и институтами. Норт (North (2005)) и Гриф (Grief (2005)) пытаются решить проблему познания и формирования убеждений. В данной ра-

боте мы лишь бегло касаемся роли формирования убеждений, но мы уделим ей гораздо больше внимания при написании будущей книги.

Третья важная область исследования – экономическая история. Благодаря глубочайшему ходу мысли экономических историков XX столетия был поставлен вопрос: почему именно Европа? Разные подходы дают похожие ответы (в том числе Landes (1999); Jones (1998), Rosenberg and Birdzell (1987); North (1981, 1990, 2005)): это объясняется наличием конкуренции, уровнем развития экономических организаций и государства; значимой ролью возникновения, определения и охраны прав собственности и институтов; автономией организаций; переходом от персонифицированного к обезличенному обмену (North (1981), Grief (2005)).¹ То, что Джонс считает результатом политической раздробленности и конкуренции в Европе, а Розенберг и Бирдцель называют автономией экономических организаций, мы рассматриваем как возникновение открытого доступа. Те же самые проблемы занимали Вебера в его работе *Протестантская этика и дух капитализма* (Weber (1947)), хотя на вопрос о том, почему Европа уникальна, он отвечает совершенно не так, как мы. Однако его акцент на ключевой роли организаций в объяснении того, как функционирует общество, во многом совпадает с нашим акцентом на институтах и организациях. То, что мы называем открытым доступом, Маркс (Marx (1992)) определил как капитализм, и, предположив, что политическое устройство предопределено материальными условиями, он не смог охватить вниманием обе чаши весов. Не вызывает сомнений, что первым защитником четкого и осознанного экономического порядка с открытым доступом к организациям был Адам Смит (Smith (1776)).

Четвертое и последнее направление образует ряд более разнородных работ о политическом развитии. Одним из принципиальных недостатков этих исследований является отсутствие единства мнений по вопросу, что понимать под политическим развитием, хотя в большинстве своем авторы приходят к выводу, что в основе этого процесса должна лежать демократия. Наша работа опирается на выводы Асемоглу и Робинсона (Acemoglu and Robinson (2005)), которые задаются вопросом, почему элиты стоят перед выбором, уступить им власть или разделить ее с широкими массами или малообеспеченными слоями населения.

В огромном числе работ ставится вопрос о взаимосвязи между экономическим развитием и демократией. Так, например, Липсет (Lipset (1959)) доказывает, что экономическое развитие способствует демократии. Во многих работах акцентируется внимание на сильной зависимости между экономическим развитием и демократией (например, Barro (1997); Diamond (1992)). Но многие ученые задаются вопросом, имеет ли эта взаимосвязь причинно-следственный характер. Например, Пжеворский и его соавторы (Przeworski et al. (2000)) утверждают, что возникновение демократии в одинаковой степени вероятно и при более низком, и при более высоком уровне дохода, но

¹ Недавно специалисты в области экономической истории исследовали вопрос, почему отстает в развитии Латинская Америка (Haber (1999)), сопоставляя латиноамериканский и западноевропейский опыт.

маловероятно, чтобы при более высоком уровне дохода она выродилась в авторитаризм. Согласно этой точке зрения, взаимосвязь не носит причинно-следственного характера, однако обусловлена эффектом отбора, отражающего более высокую вероятность сохранения демократии в странах с более высоким уровнем дохода.

И, наконец, еще один огромный пласт литературы по политологии и экономической теории акцентирует внимание на роли кланового капитализма* (Campos and Root (1996); Haber, Razo and Maurer (2004)), системе покровительства (Scott (1972)), клиентелизма** (Hungtington (1968)), и коррупции в целом (Heidenheimer, Johnston and Levine (1989); Nye (1967); Rose-Ackerman (1979); Scott (1972); Shleifer and Vishny (1993); Wallis (2005)). Наша концепция социального порядка с ограниченным доступом и естественного государства основана на обобщении существующих представлений о коррупции.

3. ЛОГИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В качестве точки отсчета мы берем мир, в котором повсеместно распространено насилие. В антропологической литературе, посвященной проблемам первобытных сообществ, говорится о том, что в подавляющем большинстве эти сообщества характеризовались крайней жестокостью.² В большинстве современных обществ периодически происходят гражданские войны и социальные революции, а двадцатое столетие оказалось одним из самых кровавых в истории человечества. Независимо от того, стоит ли задача создания социального порядка заново или его восстановления посреди хаоса, любое общество должно создавать механизмы, обеспечивающие или восстанавливающие порядок. Выгода от самых незначительных ограничений насилия достаточно велика, чтобы получить поддержку большинства представителей элит и народных масс.

Начнем с гипотетической проблемы. Вообразим себе население, состоящее из большого количества мелких групп и не имеющее хорошо организованного государства и вооруженных сил. Часть индивидов специализируются на применении насилия, но и все прочие должны быть готовы защитить свои права при помощи оружия. Представим себе двух индивидов, живущих по соседству, которые специализируются на применении насилия. Они могут обеспечить защиту небольшой группе людей, но самая серьезная угроза, с которой они сталкиваются, исходит от каждого из них. Если они попытаются достичь мирного соглашения, тот из них, который первым сложит оружие, будет подвергнут атаке и уничтожен другим индивидом. Таким образом, для обоих индивидов равновесным исходом будет продолжение войны.

* Под клановым, или кумовским, капитализмом (*crony capitalism*) понимаются капиталистические отношения, распространяемые на узкий круг приближенных лиц. – *Прим. ред.*

** Клиентелизм (*clientelism*) – социальное явление, которое характеризуется формированием отношений доминирования, господства и подчинения, зависимости и независимости по принципу «патрон-клиент», в которых патрон оказывает, а клиент принимает покровительство. – *Прим. перев.*

² Насилие в первобытном обществе рассматривается в работах Кили (Keely, *War Before Civilization*) и Лебланка (LeBlanc, *Contested Battles*).

Проблема, с которой сталкиваются эти индивиды, заключается в рациональном ожидании того, что другой индивид не откажется от применения силы. Это означает, что предупреждение насилия требует соблюдения обеими сторонами обязательства прекратить войну. Если обе стороны признают права друг друга на землю, рабочую силу и ресурсы, которыми они владеют, то решение данной проблемы вполне возможно. Оба индивида договариваются о взаимном уважении прав собственности на всю землю, рабочую силу и капитал, которые находятся в их личном владении. Весь излишек, производимый принадлежащими им активами, представляет собой ренту для них. Поскольку в мирное время производительность всякого человека – специализируется он или нет на применении насилия – выше, то земля, рабочая сила и капитал, которыми владеет индивид, производят в такие периоды больше ренты.

Если выигрыши, получаемые обоими индивидами в мирной обстановке, достаточно велики, то они обнаружат, что в их интересах и в пределах их возможностей надежно договориться об отказе от применения силы. Признавая права друг друга на использование в своих интересах земли, рабочей силы и капитала, оба индивида создают запас ренты, который позволяет заключить надежное соглашение об отказе от военных действий. Индивиды не разоружаются; на самом деле они должны сохранять свою военную мощь для того, чтобы обеспечивать баланс сил, а также держать в благоговейном страхе своих клиентов. Поскольку их соглашение о прекращении военных действий способствует получению ренты, соблюдение договоренностей между индивидами требует постоянного внимания и внесения корректив в случае изменения условий. Благодаря своей сравнительной силе, индивиды могут установить и закрепить исключительные права собственности. Они создают ряд совместимых со стимулами институциональных устройств, которые предназначены для зарождающегося государства, прав собственности, экономического роста и обеспечения определенного социального порядка.

Создание государства двумя индивидами, специализирующимися на применении насилия, выдвигает на первый план ряд аспектов, которые экономистам до сих пор не удалось достаточно глубоко постичь. Во-первых, государство по своей природе является организацией: это группа индивидов, преследующих совокупность общих и индивидуальных целей посредством частичной координации действий. Государств-индивидов не существует. Представление о максимизирующем доход монархе или местном разбойнике как о единственном действующем лице, представляющем собой государство, не учитывает того реального факта, что все государства являются организациями.³

³ «Бродячие и оседлые разбойники» Манкура Олсона (Olson (1993)) и «максимизирующие доход монархи» Дугласа Норта (North (1981)) находятся в центре внимания двух наиболее убедительных попыток объяснить взаимозависимость между политикой и экономикой. Отдавая им должное, мы утверждаем, что моделирование государства в лице единственного действующего лица ущербно по своей сути. Пока мы не поймем динамику отношений в пределах государства как организации, мы не сможем разобраться во взаимосвязи между политикой и экономикой.

Во-вторых, формирование государства обеспечивает первое последовательное решение проблемы ограничения насилия посредством вовлечения наиболее влиятельных членов общества в заключение договоров, снижающих их потенциальные выигрыши от применения силы. Такая форма государства не требует ни того, чтобы такие члены общества разоружались или воздерживались от угрозы насилия, ни его полного устранения. Если хотите, структура взаимодействия между членами организации внутри государства аналогична промышленному предприятию, и именно это сдерживает применение силы.

В-третьих, баланс возможностей применения силы отдельными членами государства не должен быть идеальным: это игра, в которой даже в том случае, если все достается победителю, последний зачастую находится в более худшем положении по сравнению с ситуацией, когда он воздерживается от применения силы.⁴ Взамен, несмотря на тот факт, что угроза применения силы продолжает играть центральную и реальную роль в поддержании социального порядка, общество становится более мирным. Равновесие сил, делающее возможным появление социального порядка, представляет собой баланс политических, экономических и военных интересов.

Исключительный характер прав собственности субъектов имеет решающее значение, поскольку роль вещества, связывающего друг с другом обоих участников соглашений, играет рента, которую получают благодаря взаимному признанию особых привилегий. Если появляются другие субъекты, специализирующиеся на применении насилия, то рента рассеивается, и это означает, что далее поддерживать социальный порядок невозможно.

Как только возникает такой механизм, индивиды-лидеры, специализирующиеся на применении насилия, становятся непосредственно заинтересованными в повышении производительности своих активов и людей, которые находятся под их контролем, за счет развития торговли, специализации и разделения труда.⁵ Например, каждый лидер мог бы предоставить исключительное право регулирования торговли между группами людей специалисту в области торговли. Поскольку торговец обладает исключительным правом заниматься рыночными сделками, он получает ренту, что делает его весьма заинтересованным в том, чтобы власть оставалась в руках лидеров. Эти взаимоотношения многократно повторяются и распространяются все шире вплоть до формирования ряда элит, контролирующих все значимые экономические, политические, религиозные, образовательные и военные сферы общества.

⁴ Если победитель мог бы быть уверен в том, что у него не появятся соперников, для него было бы лучше покорить другого индивида, специализирующегося на применении насилия, устанавливая мир и пожиная выгоды. Ловушка заключается в том, что всегда появляется кто-то еще, кто специализируется на применении насилия. Ключ к решению этой проблемы состоит в заключении между такими субъектами соглашения о том, что они остаются при оружии, имеют такое военное превосходство, что не появится ни один новый индивид, специализирующийся на применении насилия, и будут соблюдать совместимое со стимулами соглашение ради поддержания порядка.

⁵ Заметим, что к элите попросту относят тех, кто обладает долей власти в господствующей коалиции. В некоторых обществах принадлежность к элитам передается по наследству, но это не обязательно.

Каждый член элиты имеет исключительное или привилегированное право контролировать определенные ресурсы или виды деятельности. В силу того что коалиции элит налагают ограничения на доступ к этим ресурсам и видам деятельности, каждый член элиты получает ренту от своей привилегии. В итоге, у каждого имеется стимул поддерживать существующую господствующую коалицию. Следовательно, рента служит средством достижения совместимого со стимулами соглашения между элитами по сохранению их коалиций. Привилегий, которыми пользуются элиты, гораздо больше, чем ограничений доступа. Элиты могут создавать организации, внутренние и внешние связи которых охраняют государство. Организации, созданные элитами, обладают огромными экономическими и политическими преимуществами по сравнению с неорганизованными субъектами, не являющимися членами элит. Признание и поддержка организационных форм элиты, то есть обеспечение институциональных рамок, в пределах которых элиты (и более никто) могут создавать организации, – это одна из самых ценных привилегий, которыми обладают элиты. Мы расширим наши представления об организациях в следующем разделе статьи. Ограниченный доступ к организационным формам обеспечивает одну из самых высоких рент, которая объединяет господствующую коалицию в единое целое.

Мы называем эту форму сочетания политических и экономических взаимосвязей *естественным государством*. В естественном государстве политика и экономика тесно переплетаются. Государство прибегает к ограниченному экономическому доступу в целях создания экономической ренты, которая используется для заключения между элитами надежных соглашений о поддержке существующего строя и обеспечении социального порядка. Поскольку в процессе установления и поддержания порядка политическая система оказывает влияние на экономическую систему, утверждать, что эти системы существуют по отдельности, имеет смысл, но представлять их как не зависящие друг от друга смысла не имеет. Политическая система не является экзогенной по отношению к экономической системе, поскольку сама является главным экономическим субъектом. Точно так же экономическая система не является экзогенной по отношению к политической системе, поскольку структуру политических отношений определяет экономическая рента.

Мы называем это естественным государством, потому что считаем это естественной реакцией общества на угрозу тотального насилия. Исторически естественное государство впервые появилось около 10 000 лет назад и до сих пор остается господствующей формой организации человеческого общества.

В отличие от первобытного порядка, естественное государство имеет два главных преимущества, но каждое из них требует пояснения.

Во-первых, естественное государство сдерживает насилие, принося огромные социальные выгоды. Выигрывает каждый член общества. Но есть одна оговорка: естественное государство не устраняет насилие. Внутренняя динамика господствующей организации базируется на постоянном сопоставлении сил отдельных ее членов. Часть того, что обеспечивает целостность естественного государства, – это угроза применения насилия со стороны членов элиты.

Если условия меняются, всегда возможно изменение конфигурации элиты, предоставляющее право контроля над социальным порядком другой социальной группе. Всегда возможен такой исход развития событий, как применение силы или гражданская война. Поскольку уровень насилия снижен, но само оно не ликвидировано, каждый представитель элиты должен осознавать возможность гражданской войны и примыкать к группировкам возможных защитников.⁶ В большинстве своем представители элиты не являются специалистами в военном деле – это торговцы, священники, ученые, государственные служащие, политики, но в рамках естественного государства представитель элиты должен быть знаком с военным делом на случай, если начнется гражданская война. Естественное государство, которое обеспечивает долгосрочную стабильность, создает условия для экономического роста, но всегда таит в себе угрозу применения насилия.

Во-вторых, естественному государству внутренне присущи стимулы, способствующие развитию специализации и разделения труда. Оно предоставляет элитам возможность извлекать доход из земли, труда и капитала, которыми они владеют. Элиты углубляют специализацию и разделение труда до тех пор, пока вместе с социальным выигрышем растет получаемая рента. При этом естественное государство обладает внутренним равновесием. Некоторые формы растущей специализации требуют расширения доступа к организациям и открытости экономической системы. В свою очередь это ведет к сокращению ренты и может угрожать стабильности всего социального порядка. Поэтому естественное государство сталкивается с компромиссным выбором: выигрыши от растущей специализации должны компенсировать угрозу нарушения порядка. Этот выбор объясняет, почему естественное государство представляет собой социальный порядок с ограниченным доступом. Специализация и разделение труда являются благом для господствующих элит, но только до тех пор, пока они не начинают подрывать основу социальной стабильности и прекращают сдерживать насилие.

Социальный порядок с ограниченным доступом определял существование человечества в последние 10 000 лет. Очевидно, что естественные государства имеют весьма разнообразную внутреннюю структуру. В недавнем прошлом некоторые такие государства впали в состояние анархии, совсем свежими примерами здесь являются Чад, Судан и Руанда. Другие, такие как Римская, Оттоманская и Китайская империи, сохраняли стабильность в течение многих столетий и обеспечили ряд самых выдающихся достижений в истории человечества. Однако все эти общества были или являются естественными государствами. Все они ограничивают доступ к экономическим, политическим и

⁶ Следствием является то, что представляется весьма распространенной, если не универсальной чертой естественного государства – это связи типа «патрон-клиент». Обзор работ подобной тематики, включая приложения по Франции до XVII в., см. у Кеттеринга (Kettering, *Patrons, Brokers, and Clients*). О количественном анализе роли покровительства в новых демократических странах см. у Кифера (Keefer (2004), *Democratization and Clientelism: Why are young democracies badly governed?*; Keefer and Vlaicu (2005) *Democracy, Credibility, and Clientelism*).

общественным организациям в целях создания экономической ренты и последующего ее использования для заключения между элитами надежных соглашений, касающихся существующего социального порядка.

Социальный порядок с ограниченным доступом представляет собой социальное равновесие, характерными чертами которого являются:

- 1) контроль над насилием посредством предоставления привилегий элитам;
- 2) ограниченный доступ к торговле;
- 3) относительно надежная защита прав собственности элит и относительно слабая защита прав собственности остального населения. В определенной степени для естественного государства характерны правовые нормы, но они действуют в пользу элит;
- 4) ограничения на вход и выход из экономических, политических, религиозных, образовательных и военных организаций.

4. ПОНЯТИЯ

Мы ввели термины и понятия, значение которых не вполне ясно. Ключевыми понятиями являются институты, организации и социальный порядок. Общая черта конкретного социального порядка, характерного для всех обществ, – это не культура или институты, а способ их формирования и сохранения, а также способ сохранения организаций и то, каким образом они позволяют ограничивать насилие. Мы начнем с определения организаций и институтов, а затем рассмотрим социальный порядок.

4.1. Конкуренция и рента

Конкуренция и рента являются фундаментальными понятиями экономической теории. Они определяют черты человеческого поведения, свойственные как первобытному социальному порядку, так и социальному порядку с ограниченным и открытым доступом. Когда мы говорим, что естественное государство обеспечивает социальный порядок посредством входных ограничений, мы ни в коем случае не имеем в виду, что в нем отсутствует конкуренция! На самом деле там существует чудовищная опасность политической конкуренции при помощи военных методов, и это позволяет ограничивать экономическую конкуренцию. То, что отличает один социальный порядок от другого, заключается не в наличии или отсутствии конкуренции и ренты, а в характере конкуренции и в способе формирования ренты. Индивиды и организации, которые владеют или распоряжаются экономическими активами, извлекают ренту, когда выгода, полученная от того или иного применения данного актива, превышает альтернативные издержки данного вида деятельности. Рента встречается повсеместно.

Рента может создаваться разными способами.⁷ На рынке с совершенной конкуренцией большинство потребителей и производителей получают ренту

⁷ Многочисленные способы создания ренты подробно рассмотрены в работе Кхана и Йомо (Khan and Jomo (2000)).

на уровне, не доходящем до предельного. Например, созидательное разрушение по Шумпетеру (**Shumpeter (1942)**) предполагает, что ренту часто приносят технологические и институциональные инновации. Конкуренция за обладание рентой движет конкурентные рынки с открытым доступом в направлении эффективности. Кроме того, она разрушает источники ренты, возникшие благодаря шумпетерианской конкуренции. В противоположность этому, ограничение входа на рынок способствует созданию классической экономической ренты за счет ослабления конкуренции. При ограниченном входе на рынок ренту получают индивиды или фирмы, обладающие рыночной властью. Рента также может возникать вследствие различий в доступе к организационным формам или ресурсам. Например, если в данной отрасли только одна фирма имеет доступ к определенной форме организации или к принуждению к соблюдению условий контрактов через суд, то даже в условиях совершенно конкурентного рынка она получает ренту на уровне, не доходящем до предельного, в силу более низких издержек. Преднамеренное создание ренты государством обусловлено различиями в доступе индивидов или организаций к благам и услугам, которые способно обеспечивать государство, – защита прав собственности и принуждение к выполнению контрактов, правовая система, запасы ресурсов, социальная инфраструктура, а также национальная оборона и охрана правопорядка.

При социальном порядке с открытым доступом рента существует точно так же, как при социальном порядке с ограниченным доступом. Отличие заключается в способе воздействия политической системы на создание ренты в экономической системе в целях своего упорядочивания. При социальном порядке с открытым доступом рента выполняет роль побудительного стимула к шумпетерианской конкуренции. При социальном порядке с ограниченным доступом рента существует, потому что конкуренция по Шумпетеру сдерживается или не допускается.

Как и рента, конкуренция существует повсеместно. Она характерна для любого сообщества людей, хотя эти сообщества отличаются друг от друга по способу ее осуществления. Когда мы говорим, что при социальном порядке с открытым доступом конкуренция служит для обеспечения порядка, мы не имеем в виду, что в естественном государстве отсутствует конкуренция. Вместо этого мы утверждаем, что в таком государстве конкуренция предполагает использование иных методов и дает иные результаты, чем в условиях социального порядка с открытым доступом. Последний подразумевает сокращение или отказ от применения насилия как средства политической или экономической конкуренции и, тем самым, открывает возможности для конкуренции в других областях; примерами являются цена и качество товаров или голоса избирателей.

Насилие является обычным методом экономической и политической конкуренции в условиях естественного государства. 26 октября 2006 г. в журнале *Economist* была опубликована статья «**Bangladesh: Isn't Democracy Wonderful?**» («Бангладеш: разве демократия не прекрасна?»), предупреждающая о возможности насилия в связи с текущими выборами и конкуренцией между Национа-

листической партией Бангладеш (Bangladesh Nationalist Party) и оппозиционной партией Союз Аварни (Awami League): «С учетом уроков прошлого, многие люди станут жертвами насилия толпы и целенаправленных покушений. Союз Аварни признает, что его последователям розданы палки для предстоящих сражений с представителями Националистической партии Бангладеш. Как сообщает газета *Bangla Patrika*, издающаяся на языке бенгали, в течение последних недель политические деятели Бангладеш приобретали бронезилеты. Многие обозреватели опасались возможности вмешательства армии». Ситуация в Бангладеш – пример конкуренции, но для политической конкуренции в этой стране не характерны свободный вход и открытый доступ.

В каждом обществе рента и конкуренция взаимодействуют с доступом и порядком в разном объеме.

4.2. Институты и организации

Институты – это «правила игры» (North (1990)).⁸ Они представляют собой формы взаимодействия, которые регулируют и ограничивают отношения между индивидами. Определить правила, регулирующие взаимодействие индивидов в любом обществе, крайне сложно. Дать точное определение институтов непросто, поскольку применяемые правила включают писанные законы, формальные общественные договоры, неформальные нормы поведения и общие представления о мире. Часто мы понимаем под институтами ограничения, налагаемые на поведение индивидов как таковых; например: как быстро я буду ехать, если предельная скорость составляет 60 миль/час? Но, по-видимому, в одинаковой степени понятным и часто более важным для объяснения поведения людей является то, что от институтов зависит формирование убеждений и представлений людей относительно того, как будут вести себя другие люди; например, если предельная скорость равна 60 миль/час, как быстро будут двигаться другие водители? Эти вопросы объясняют, почему институты включают формальные законы, неформальные нормы поведения и общие представления индивидов о мире.⁹ В рамках одной и той же культуры индивиды придерживаются одинаковых взглядов на то, как будут вести себя другие люди. Культуры включают представления о человеческом поведении, которые передаются последующим поколениям посредством образования и опыта.

На формальном, общественном или индивидуальном уровнях все институты содержат важный элемент абстракции: отчасти они представляют собой

⁸ Грайф (Greif (2005)) дает более подробное определение институтов.

⁹ Роль представлений в рамках институтов неоднозначна. Официальные законы, особенно те, которые принуждают совершать определенные действия, дают любому, кто их знает, общую информацию о мире и о поведении других индивидов. Если представления широко распространены среди населения даже в том случае, когда они не закреплены в законе или незаметны в ежедневном поведении, они могут информировать целую группу людей о возможном поведении других людей. Но не все представления действуют подобным образом. Так, ошибочно утверждать, что они представляют собой институт, но иногда вполне уместно говорить, что общие представления образуют часть институциональной структуры общества.

модели окружающего нас мира людей. Это утверждение также подразумевает, что институты крайне трудно обнаружить путем наблюдения. Некоторые составляющие, такие как формальные правила, легко поддаются наблюдению, в то время как другие компоненты, к примеру, общепринятые представления, путем наблюдений выявить практически невозможно.

В противоположность этому организации носят конкретный характер; они состоят из определенных групп индивидов, преследующих совокупность общих и индивидуальных целей посредством частичной координации поведения. Организации состоят из плоти и крови. Они действуют. Поскольку организация координирует действия своих членов, ее деятельность – это нечто большее, чем простая сумма действий образующих ее членов. Для экономистов фундаментальное значение имеет то, что организации делают выбор.

Институты и организации легко перепутать. Почти все организации людей имеют институциональную структуру. Как уже отмечалось, институты представляют собой модели возможного поведения окружающих нас людей. Главная выгода от принадлежности к какой-либо организации заключается в возможности координировать свои действия с действиями других ее членов. Координация требует, чтобы индивиды придерживались общего набора моделей поведения. В силу того что правила, нормы и законы упорядочивают взаимоотношения членов организации, они составляют ее институциональную структуру. В одних организациях эти структуры носят формальный, а в других – неформальный характер.

Более точным (и полезным) для выражения взаимосвязи институтов и организаций является утверждение, что организации людей в большинстве своем имеют институциональную структуру. Мы называем эти институциональные структуры организационными формами¹⁰. Организационные формы – это правила, в соответствии с которыми, как предполагается, взаимодействуют индивиды внутри организации, а также сама организация и ее члены взаимодействуют в посторонними субъектами. Они могут быть формальными и неформальными, а отчасти – иметь отношение к системе взглядов членов организации. Организационная форма, принятая каждой конкретной организацией, отчасти определяется организационными формами, широко распространенными в обществе (примерами являются сотрудничество или корпорация в современном мире), или интересами самой организации и ее членов.¹¹ Нас весьма интересуют организационные формы, широко распространенные в обществе, поскольку, как мы вкратце показали, естественные государства эффективно ограничивают доступ и формируют ренту путем ограничения доступа к организационным формам.

Мы выделяем два основных типа организаций: организации сторонников (**adherent organization**) и договорные (**contractual**) организации. Между ними

¹⁰ Организационные формы – это подсистема институтов общества. Не все институты представляют собой организационные формы, тогда как все организации составляют нечто большее, чем институциональные формы.

¹¹ Однако поведение любой человеческой организации не определяется одной лишь организационной формой, поскольку любая организация состоит из живых людей, а не институциональных абстракций.

существует простое, но глубокое различие. Для организаций сторонников характерны самовыполняющиеся, совместимые со стимулами соглашения между их членами. Для соблюдения соглашений они не нуждаются в третьих лицах. Кооперация требует, чтобы в каждый данный момент существования в сохранении организации были заинтересованы все ее члены, в противном случае кооперация прекращается.

Со своей стороны, договорные организации прибегают к использованию третьей стороны для принуждения к соблюдению контрактов между своими членами.¹² Такие организации могут также опираться на совместимые со стимулами соглашения между своими членами (что в 1985 г. Уильямсон доказал применительно к фирме). По сравнению с организациями сторонников, договорные организации пользуются услугами третьей стороны для принуждения к соблюдению некоторых соглашений, так что в каждый данный момент времени члены организации могут заранее заключить между собой некоторое число соглашений, которые в противном случае не будут совместимыми со стимулами.¹³ Так, рынки ценных бумаг с их контрактами, соблюдение которых контролирует третья сторона, являются важным компонентом современных фирм даже в том случае, если, по Уильямсону, внутренняя организация фирмы в подавляющей части представлена самовыполняющимися соглашениями.

Суверенитет государства предполагает, что оно неизбежно должно быть организацией сторонников. Государства всегда представляют собой организации, и фундаментальная проблема, перед решением которой стоят все потенциальные государства, заключается в том, каким образом упорядочить внутренние совместимые со стимулами и самовыполняющиеся соглашения между своими членами. Как мы уже убедились, в организациях сторонников принуждение играет определенную роль, поскольку некоторые совместимые со стимулами договорности предполагают реальную угрозу применения силы со стороны одного или большего числа членов. По своей природе все государства должны использовать соглашения, предметом которых является насилие. Естественное государство представляет собой способ объединения индивидов, специализирующихся на применении насилия, с экономическими правами с целью формирования стимулов к отказу от применения силы и развитию специализации и обмена.

Когда сформировалось естественное государство, индивиды, специализирующиеся на насилии, приобрели сравнительное преимущество в использовании третьей стороны для принуждения к соблюдению множества организационных форм.¹⁴ Одной из наиболее ценных привилегий, за счет которых

¹² Для простоты изложения мы обычно понимаем под соглашениями отношения между индивидами, которые совместимы со стимулами и являются самовыполняющимися, а под контрактами – отношения между индивидами, которые могут потребовать принуждения третьей стороны. Под принуждением третьей стороны мы понимаем принуждение со стороны индивида, не являющегося членом данной организации.

¹³ В литературе по теории отраслевой организации, теории игр и политической экономии можно найти множество примеров как организаций сторонников, так и договорных организаций.

¹⁴ См. обсуждение теории государства в работе Барцеля (Barzel) *Theory of the State*, объясняющей, каким образом государство достигает сравнительного преимущества, привлекая третью сторону для принуждения к соблюдению контрактов.

государство увеличивает число членов элиты, является предоставление им права создавать договорные организации с внутренними соглашениями, принуждать к выполнению которых будет оно само. Государство может успешно отстранять представителей неэлитарных слоев населения от участия в различных видах деятельности, просто отказываясь признавать их договорные организации, или оказывать поддержку соответствующим договорным организационным формам.

Круг действий, которые могут быть предприняты организацией, отчасти определяется ее внутренней структурой. Современные развитые страны буквально переполнены договорными организациями. Широкий спектр договорных организационных форм обеспечивается социальным порядком с открытым доступом, что является ключом к успеху политической и экономической систем.

В связи со значимой ролью договорных организаций возникает фундаментальный вопрос о структуре государства: кто будет выступать в качестве третьей стороны и в чем может выражаться ее необъективность? В каждом обществе с договорными организациями должна существовать организация, выступающая в качестве третьей стороны, обеспечивающей принуждение (независимо от того, является ли его использование вынужденным). Эта организация должна создаваться лишь путем самовыполняющихся соглашений между ее членами. Разумеется, именно эту организацию мы называем государством.

4.3. Социальные порядки

Социальный порядок включает политическую, экономическую, культурную, религиозную, военную и образовательную системы.¹⁵ Он определяет характерные организационные формы составляющих его систем. Имеется в виду, что социальные порядки отличаются между собой способностью создавать и сохранять договорные организации. Выделение трех видов социальных порядков требует решения пяти интеллектуальных задач, касающихся моделей трех социальных порядков, модели перехода от первобытного порядка к социальному порядку с ограниченным доступом и модели перехода общества от ограниченного к открытому доступу. Совершенно очевидно, что в рамках нашего большого исследовательского проекта самым сложным и ценным является объяснение именно этого последнего перехода. Но прежде всего мы нуждаемся в понимании того, где начинается переход от одного социального порядка к другому.

4.4. Некоторые замечания по поводу рассматриваемых понятий

Наряду с тем, что эти понятия имеют общее значение, полезно рассмотреть их специфический смысл, о котором мы еще не говорили. Во-первых, не под-

¹⁵ Социальные порядки – это не особые формы проявления отдельных политических, экономических или каких-либо других институтов. Например, ни демократия, ни капитализм не являются социальными порядками. Так, можно привести следующий пример: демократия – это политическая система, конституционная демократия – это более конкретная форма политической системы, парламентская представительная демократия – это еще более конкретная ее форма.

разумеается никакой телеологии при переходе от первобытного социально-го порядка к социальному порядку с ограниченным, а затем с открытым доступом. Ни один из этих переходов не происходит автоматически. Триста лет назад, когда впервые появился социальный порядок с открытым доступом, в значительной части мира продолжал господствовать первобытный порядок. Возникновение и упадок больших и малых цивилизаций говорят о том, что прогресс не носит линейного характера и может происходить возврат на более раннюю стадию развития. Как показало двадцатое столетие, в одних случаях социальный порядок с ограниченным доступом на время приходит в упадок, сменяясь ярко выраженной анархией (примерами являются Руанда, Босния, Камбоджа и Судан), а в других уже произошел или продолжается переход от первобытного социального порядка к порядку с открытым доступом (такой скачок, к примеру, совершили Тайвань и Южная Корея).

Во-вторых, при непосредственных наблюдениях, отраженных в исторических источниках, такого четкого разграничения трех типов социального порядка, как в рамках нашего концептуального подхода, не отмечается. Не бывает, чтобы в один прекрасный день первобытный социальный порядок превратился в социальный порядок с ограниченным доступом.¹⁶ В равной мере и социальный порядок с ограниченным доступом не становится порядком с открытым доступом в течение дня, месяца или года. Тем не менее, оказывается, что переходы происходят в течение достаточно коротких по историческим меркам периодов времени, где-то за пятьдесят лет или даже меньше. В XX в. быстрый переход осуществили Тайвань, Южная Корея, Ирландия и Испания. В конце XVIII – начале XIX вв. переход, который занял приблизительно пятьдесят лет, совершили Великобритания, Франция, Голландия и Соединенные Штаты Америки.

В-третьих, не должно возникать впечатления, что в историческом плане общества образуют непрерывную линию в соответствии с последовательным континуумом социальных порядков. В развитых обществах происходят заметные и серьезные изменения. Кроме того, существует определенный разрыв между развитыми и неразвитыми странами. В литературе по сравнительному анализу роста отдельных стран вновь и вновь отмечается, что богатые страны сближаются друг с другом, тогда как бедные по-прежнему от них отстают. Мы считаем, что это отражает, не более и не менее, как существование всего лишь трех социальных порядков. Социальный порядок с ограниченным доступом заметно отличается от социального порядка с открытым доступом.

Мы считаем серьезные и устойчивые различия в социальных системах и экономических результатах развитых и неразвитых стран ярким признаком дискретности развития. Однако эта дискретность носит системный, а не вре-

¹⁶ Антропологи давно пытаются определить «великий рубеж» появления государства, и мы полагаем, что этот рубеж отмечает переход от простых порядков к порядкам с ограниченным доступом. Трудности, с которыми сталкиваются антропологи, доказывают, насколько беспорядочным был процесс этого перехода. Вехами на пути, проделанном обществом в процессе этого перехода, являются организованные группы людей, племена, дружины, королевства и государства.

менный характер в том смысле, что общества, осуществляющие переход от ограниченного к открытому доступу, неизбежно должны это делать в течение определенного исторического периода. Переход от одного порядка к другому (независимо от направления) осуществить непросто, и такое нечасто случается в истории. Мы рассматриваем проблему непрерывности исторических процессов и дискретности социальных порядков в разделе, посвященном процессу перехода от одного социального порядка к другому.

В-четвертых, в рамках данного социального порядка возможен широкий круг конкретных политических, экономических, военных, религиозных, образовательных и других систем. Например, естественное государство может характеризоваться большим числом возможных коалиционных структур и связанных с ними экономических ограничений, которые обеспечивают устойчивость господствующей коалиции. Диктатуры, хунты, аристократии, монархии (наследственные или нет), однопартийные режимы, палаты представителей (элит, а не масс) – все они в определенных исторических условиях представляют собой жизнеспособные внутренние структуры естественного государства. Исторически, естественные государства подвержены внутренним революциям, в особенности переворотам (в том числе, дворцовым), благодаря которым одних лидеров господствующей коалиции сменяют другие, не меняя характера социального порядка. Что касается институтов, недостаток стабильности естественного государства предполагает, что для большинства таких государств характерно широкое разнообразие действующих институтов.

Чрезвычайно важно, что один и тот же институт по-разному действует при социальном порядке с открытым доступом и при социальном порядке с ограниченным доступом. Это отличие ставит перед эмпирическими исследованиями задачу выявления воздействия институтов на экономические результаты. Поскольку институты включают правила, образцы поведения, общепринятые представления, одни и те же поддающиеся наблюдению правила могут привести к разным результатам, если различаются связанные с ними поведение и представления. Например, выборы проходят по-разному в условиях естественного государства и при социальном порядке с открытым доступом. Возможность обеспечивать соблюдение соглашений между индивидами на основе репутации действует по-разному в условиях свободного и ограниченного входа в систему. Как говорится в разделе, посвященном процессу перехода от одного социального порядка к другому, тот факт, что одни и те же институты работают по-разному в условиях социальных порядков с ограниченным и с открытым доступом, позволяет проникнуть в суть процесса перехода.

И наконец, социальный порядок является устойчивым, но не статичным. Этот момент сложен для понимания. Как представители гуманитарных наук, мы часто связываем изменения с динамикой и прогрессом (живя в условиях становления социального порядка с открытым доступом). Однако происходящие в истории изменения в большинстве своем не более чем просто изменения. В любом обществе баланс между политическими, экономическими, религиозными, военными и образовательными организациями постоянно меняется. Индивиды, группы и организации всегда борются за власть, ресурсы, статус и

другие блага. Что представляется неизменным во времени в отдельных обществах, так это образец взаимодействия, касающийся организационных форм в отдельных сферах социальной деятельности.

5. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ

В следующих двух разделах кратко обозначены основные аспекты социальных порядков с ограниченным и открытым доступом, за которыми следует приблизительный набросок того, каким образом общества осуществляли переход от одного порядка к другому в историческом плане. Кратко упоминаются первобытный социальный порядок и первый переход от одного порядка к другому, но мы сосредоточим внимание на последних 500, а не 50 000 лет.

5.1. Социальный порядок с ограниченным доступом и естественное государство

Первобытное общество состоит из множества мелких социальных единиц с очень слабыми специализацией и разделением труда. Для такого социального порядка также характерен высокий уровень насилия. Возникновение все большего числа социальных единиц делает возможным более высокий уровень специализации и разделения труда, но более высокая специализация порождает две проблемы: 1) появление индивидов, специализирующихся на насилии, и 2) возникновение потребности в координации социального взаимодействия в пределах больших групп людей и между ними. Естественное государство представляет собой специфический механизм, при помощи которого решаются обе эти проблемы. Исторически естественное государство зародилось около 10 000 лет назад и сохранилось до сегодняшних дней.

Каким образом общество с огромным количеством мелких социальных единиц, каждая из которых обладала собственной внутренней специализацией и разделением труда, включая специалистов в области насилия, смогло прийти к соглашению, позволившему создать более крупное устойчивое политическое объединение (какой бы ни была его организация), а также обеспечило развитие обмена?¹⁷ Главная проблема здесь состоит в заключении совместимых со стимулами соглашений между влиятельными социальными группами – независимо от того, носит ли власть военный, экономический или религиозный характер, – объединенными общей заинтересованностью в сохранении данного государства.

Мы уже показали, каким образом естественное государство решает эти проблемы, создавая и охраняя привилегированные права на ценные ресурсы, такие как земля, или на полезную социальную деятельность, такую как торговля или отправление религиозных культов. Мы дали определение элиты как индивидов или группы, которые обладают подобными правами. Признание привилегий элит порождает ренту от пользования землей, торговли или отпавле-

¹⁷ В качестве примеров регионов со множеством разобщенных социальных единиц можно привести Древнюю Грецию в I тыс. до н. э., Европу в X в. н. э., Афганистан в 1990-е гг.

ния религиозных культов. В свою очередь, рента ценится тем выше, чем более стабильным и мирным является общество и чем выше уровень специализации и разделения труда. Рента привязывает интересы элит к существующей господствующей коалиции. Любая угроза ее существованию подвергает опасности ренту элиты в целом, потому что разрушение социального порядка сокращает ренту каждого ее представителя.¹⁸ Существование ренты также служит стимулом для того, чтобы политика способствовала сохранению стабильности и росту торговли. В целом эта форма государства обеспечивает социальную стабильность, предотвращая беспорядки путем заключения ряда самовыполняющихся соглашений между представителями элит и одновременно формируя политические и экономические отношения внутри государства.

Поэтому все естественные государства постоянно сталкиваются с дилеммой, насколько большой должна быть господствующая коалиция. Ее увеличение дает больше власти, но уменьшает получаемую всеми членами ренту.¹⁹ Поэтому в пределах групп, которые образуют господствующую коалицию, должен существовать надежный баланс интересов. Элиты поддерживают и охраняют государство. Они защищают свои права, в том числе угрожая выйти из коалиции в случае их нарушения. Поскольку для своего сохранения государство нуждается в постоянной поддержке, угроза распада элиты представляет собой потенциальную опасность, вынуждающую его соблюдать условия соглашения с элитами. По этой причине подобная вероятность неизбежно ограничивает возможные размеры коалиции. Если бы коалиция неуклонно росла, это ограничило бы возможности элит угрожать естественному государству (и сохранению коалиции) отказом в поддержке.

Потенциально в состав коалиции естественного государства могут войти и внешние враги. Его границы часто меняются в силу возможности включения в господствующую коалицию дополнительной географической единицы, а также вероятности того, что существующая коалиция распадется на более

¹⁸ Разумеется, это не препятствует раздорам внутри элит, начиная с тайных интриг и заканчивая свержением правящей коалиции или постоянным соперничеством между членами коалиции при распределении прав и ренты.

¹⁹ При построении теоретической модели естественного государства мы опираемся на теорию Грайфа, Милгрона и Вейнгаста (Greif, Milgrom and Weingast (1994)). Мы предполагаем, что увеличение размера коалиции повышает вероятность сохранения государства, но в уменьшающейся степени: предельная ценность включения дополнительного индивида по мере роста коалиции снижается. Расширение коалиции приводит к трем самостоятельным следствиям. Первое и самое очевидное заключается в том, что по мере роста коалиции увеличивается вероятность сохранения государства; второе – рост коалиции приводит к распределению ренты среди большой группы представителей, что снижает среднюю ценность вхождения в коалицию; третье – сокращение предельной ценности поддержки государства означает, что увеличение размеров коалиции ведет к снижению издержек государства в случае ее разрыва. Естественное государство выбирает между выигрышами от расширения поддержки со стороны коалиции, повышающими вероятность ее сохранения, и издержками от рассеивания ренты и санкций, которые члены коалиции могут наложить на государство в том случае, если оно не выполнит свои обязательства. Если коалиция слишком велика, то ренты недостаточно, чтобы связывать воедино отдельные группы, и поэтому они выйдут из коалиции.

мелкие единицы. В результате, в условиях естественного государства различие между внутренними и внешними отношениями часто бывает нечетким. Только в последние 300 лет по мере роста национальных государств во всем мире были точно определены государственные границы (к этому вопросу мы вернемся ниже) и проведены более четкие различия между внутренней и международной безопасностью.²⁰

Теперь следует провести более четкое различие между устойчивостью социального порядка и изменчивостью политической и экономической систем. Социальный порядок с ограниченным доступом характеризуется привилегированным доступом к ценным правам и видам деятельности. В пределах государства эти привилегии защищаются политическими и военными элитами и позволяют владеть ценными ресурсами членам господствующей коалиции. Этот аспект социальной системы обычно остается неизменным в течение длительного времени (по меньшей мере, начиная с появления крупных социальных единиц 5 000–10 000 лет тому назад и заканчивая возникновением 300 лет назад социальных порядков с открытым доступом). Тем не менее, периодически сменяются отдельные члены господствующей коалиции, конкретные права и привилегии которых устанавливает и защищает естественное государство, а также большинство главных действующих лиц. В этом смысле социальные порядки являются стабильными, но не статичными. В калейдоскопе исторических документов в большинстве своем встречаются свидетельства об изменении форм коалиций и систем в рамках социального порядка с ограниченным доступом и в пределах нечетких географических границ естественного государства.

Теория двойного баланса выявляет интерактивную природу систем, образующих социальный порядок. Во-первых, каждая система должна иметь свое внутреннее равновесие. В естественном государстве существует баланс военной и политической власти в рамках господствующей коалиции. В равной степени существует равновесие в рамках экономической системы. Во-вторых, должны быть уравновешены связи между системами, следствием чего и является двойной баланс. В естественном государстве распределение экономических активов соответствует распределению политической власти и служит ее сохранению. В каждом конкретном обществе должна существовать тесная взаимосвязь между фактическим распределением экономической ренты и политического контроля. В целом политическая система социального порядка с ограниченным доступом неспособна поддерживать экономическую систему социального порядка с открытым доступом: политический контроль над входом в экономическую систему неизбежно подрывает конкуренцию. Точно так

²⁰ За последние 200 лет развитие социальных порядков с открытым доступом в западном мире привело к росту числа национальных государств с четко определенными границами (эта проблема рассматривается в следующем разделе). В XIX и XX вв. распространение власти европейцев на остальную часть мира способствовало возникновению стран с четко определенными границами. Эти границы сохранились даже после крушения колониальной системы (см. Tilly, *Coercion and Capital*). До 1700 г. в большинстве государств четко определенных границ не существовало.

же экономическая система социального порядка с ограниченным доступом не в состоянии поддерживать политическую систему социального порядка с открытым доступом: концентрация экономической ренты в руках элиты позволяет сдерживать политическую конкуренцию.

В основе равновесия социального порядка с ограниченным доступом лежит свойственная человеку непреодолимая тяга к установлению межличностных отношений. Естественные государства – это иерархические системы межличностных отношений. Элиты удерживают власть благодаря статусу членов в господствующей коалиции. В условиях естественного государства права никогда не бывают обезличенными, и они всегда подвергаются пересмотру (неважно, закреплены ли они законом, если такое понятие вообще существует в подобном государстве).

Благодаря расширению круга возможных межличностных отношений социальный порядок с ограниченным доступом приобретает несколько важных преимуществ по сравнению с первобытным порядком. Такой порядок, прежде всего, обеспечивает рамки для появления институтов, устанавливающих четко определенные права собственности, даже если ими обладают лишь одни элиты. Устойчивость естественного государства является следствием того, что элиты признают права собственности друг друга на ценные ресурсы и виды деятельности. Такое обоюдное признание прав собственности вероятно, поскольку в основе лежат выгоды от существования естественного государства. Выход за пределы иерархии отношений, образующих естественное государство, может привести к углублению специализации и разделению труда при условии увеличения, а не сокращения ренты. Упорядочивание отношений между элитами может также содействовать развитию торговли и росту доходов. Это позволяет сделать следующее предположение: *права собственности и правовые системы своим происхождением обязаны установлению прав элит.*

Второе важное преимущество естественного государства – это создаваемые стимулы к развитию торговли внутри социальных групп и между ними, а также связанное с этим углубление специализации и разделению труда. Право на торговлю представляет собой установленную господствующей коалицией привилегию, позволяющую нам сформулировать еще одно предположение: *все естественные государства контролируют внешнюю торговлю*²¹.

Третье важное преимущество естественного государства – это поддержка, которую оно оказывает организациям. Возможно, самым ценным правом, которым обладают элиты, является возможность создавать договорные организации, внешние и внутренние связи которых можно поддерживать на контрактной основе с участием третьей стороны. Возможность создавать и сохранять договорные организации резко увеличивает производительность индивидов в условиях социального порядка с открытым доступом по сравнению с простым порядком. Однако права элит создавать организации ограничены, они предоставляются не всем, из чего следует новое предположение: *все естественные государства ограничивают доступ к организационным формам.*

²¹ Существует множество свидетельств того, что на этапе возникновения государства деятельность вождей, описанная в литературе по политической антропологии, изначально заключалась в установлении контроля над торговлей. См. работу (Claessen and Skalnik (1978)).

Ограниченный доступ к организационным формам служит ключом к объяснению того, почему естественное государство играет роль социального порядка, а также во многом способствует экономическому развитию в течение последних 10 000 лет. Путем оказания поддержки все более крупным и сложным организациям естественное государство приобретает способность напрямую повышать производительность и извлекать выгоду из специализации и разделения труда. В свою очередь ограниченный порядок служит ключом к объяснению того, почему естественное государство препятствует современному экономическому росту. Сведение экономического обмена к межличностным отношениям налагает главное ограничение на производительность и результаты функционирования экономики с ограниченным доступом.

Ограниченность естественного государства становится очевидной, когда мы проводим сравнение между ним и социальным порядком с открытым доступом. Во-первых, несмотря на способность порядка с ограниченным доступом содействовать развитию торговли, необходимость создания ренты в целях поддержания стабильности порождает внутренне присущую естественному государству тенденцию к возникновению рыночной власти и ограничению конкуренции. Трудности при открытии фабрики по пошиву рубашек в Перу, документально подтвержденные Де Сото, – это классический пример того, как естественное государство не только отказывается поддерживать организованную экономическую деятельность, но и активно отбивает охоту к ней у представителей социальных групп, не относящихся к элитам.²² Клановый капитализм, широко распространенный в современных развивающихся странах (Campos and Root (1996)), представляет собой еще одну форму проявления присущей естественному государству тенденции предоставлять доступ к организационным формам только членам господствующей элиты.

Во-вторых, естественные государства сталкиваются с трудностями в выполнении достоверных обязательств, необходимых для защиты прав остального населения. Социальные группы, не относящиеся к элитам, не могут угрожать государству или коалиции, потому что сохранение естественного государства не зависит от того, поддерживают они его или нет. Независимо от того, что говорится в законах или конституции естественного государства, эти социальные группы не могут поверить обещаниям государства защищать их права. Поэтому они вкладывают значительно меньше средств в физический и человеческий капитал, чем в том случае, если бы их права были надежно гарантированы. Это существенно ограничивает рост в условиях естественного государства.

Кроме того, представители неэлитарных слоев населения работают по найму, что Джеймс Скотт называет «оружием слабых» для защиты собственности и имущества, которыми они реально владеют. Разумный крестьянин (не имеющий отношения к элитам) ведет себя определенным образом, чтобы лорду (элите) было сложно определить, будет ли крестьянин усердно работать и эф-

²² Примеры Де Сото были дополнены результатами ряда исследований, выполненных при Институте Коуза, а также крупномасштабных исследований, предпринятых Всемирным Банком.

фективно использовать ресурсы. Волокита, симуляция, обман – обычные явления. В результате концептуально нечетко определены права собственности, а, кроме того, элиты умышленно повышают трансакционные издержки.²³ В рамках логики естественного государства развивается покровительство как специфическая форма повышения степени защищенности не относящихся к элитам слоев населения. Скотт показывает, как функционирует социальная система, когда представители элиты обеспечивают защиту клиентов, используя свое привилегированное положение. В современных развивающихся странах покровительство представляет собой такую же распространенную форму социальной организации, как и в южных штатах Америки в XIX – начале XX и во Франции в XVII–XVIII вв.²⁴

Третий и самый серьезный недостаток естественного государства состоит в том, что ограниченный доступ препятствует распределению ресурсов между конкурирующими направлениями использования при помощи рыночных цен. На рис.1 представлен график, изображающий типичную ситуацию рыночной власти при постоянных предельных издержках. По прогнозу неоклассического анализа монополист назначит цену P_M , но этот вывод опирается на предположение о максимизации монополистом неограниченной прибыли. В естественном государстве ценные привилегии используются для того, чтобы связывать политическую и экономическую систему. Вместо того чтобы получать ренту за счет назначения высокой цены, обладатель привилегии использует ее в собственных интересах, назначая низкую цену и выделяя ресурсы политическим союзникам. На этом рынке продавец может назначать цену в интервале между P_M и P_B . Например, во многих развивающихся странах коммунальное водоснабжение осуществляется по ценам ниже издержек. В обмен на доступ к воде индивиды должны оказывать поддержку политикам или отдавать им голоса на выборах.

Это, казалось бы, противоречит интуиции, но социальный порядок с ограниченным доступом, при котором все элиты назначают на всех рынках монопольную цену, был бы намного более эффективным и производительным обществом по сравнению с тем, в котором элиты не назначают равновесные цены, а вместо этого распределяют товары и услуги по ценам, отражающим их политическое превосходство.²⁵ Когда для достижения своих политических целей элиты назначают цену ниже равновесной, рыночные цены невозможно использовать для обезличенной координации поведения индивидов. Таким образом, естественные государства наносят вред ценовому механизму как средству передачи информации о предельных выигрышах, предельных издержках и ограниченности ресурсов.

²³ Проблема значительно глубже. Повышение трансакционных издержек является важнейшим способом ограничения доступа косвенным путем, но как элиты, так и прочие слои населения ведут себя таким образом, что умышленно повышают трансакционные издержки.

²⁴ См. Джеймса Скотта ((Scott (1987)), Алстона и Ферье (Alston and Ferrie (1985)) о южных штатах Америки, и Шарона Кеттерига (Kettering (1986)) о Франции XVIII в.

²⁵ Это тесно связано с идеями Шлайфера (Shleifer) и Вишны (Vishny) о различных формах коррупции.

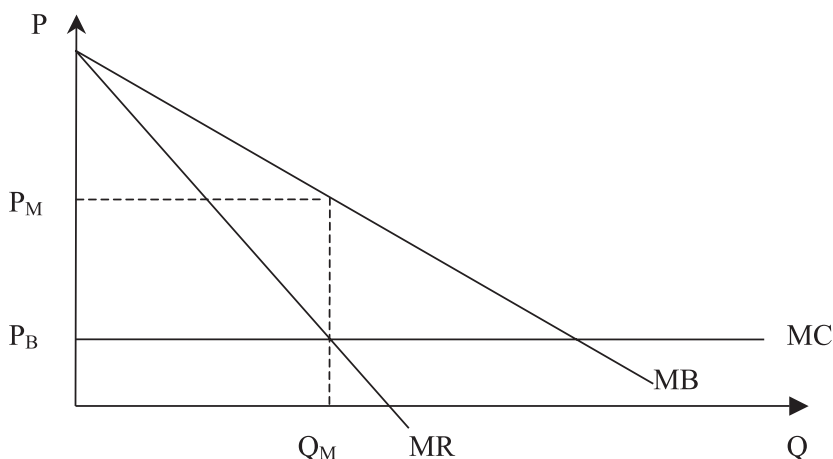

Рис. 1. Ценообразование на монопольном рынке

Экономисты-неоклассики считают, что главной функцией цены является размещение ресурсов, и так происходило на протяжении всей истории человечества. На наш взгляд, нет ничего удивительного в том, что современный экономический анализ ценового механизма не был разработан до тех пор, пока не начал развиваться социальный порядок с открытым доступом с присущей ему рыночной конкуренцией. Конкуренция за пользование ресурсами существовала с незапамятных времен, однако, за немногими исключениями (такими, как Древняя Греция), конкурентные рынки с ценами, несущими информацию, способную координировать поведение людей, возникли относительно недавно.

6. ЛОГИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА С ОТКРЫТЫМ ДОСТУПОМ

Там, где социальный порядок с ограниченным доступом использует для обеспечения общественного порядка ренту, социальный порядок с открытым доступом использует конкуренцию. Несмотря на то что все естественные государства ограничивают конкуренцию с целью создания ренты, они не в состоянии запретить ее полностью. Подобным образом, все общества с открытым доступом характеризуются поиском и созданием ренты.

Экономическая теория объясняет, как работают конкурентные рынки, каким образом рыночная конкуренция обеспечивает рост благосостояния и как ценовой механизм служит обезличенным средством координации поведения индивидов. Но неоклассическая экономическая теория выдвигает ряд крайних и безоговорочных предположений о характере политики и государства: конкуренция устойчива, рынки открыты, права собственности установлены и защищены, при распределении ресурсов не используется насилие и уже су-

ществом упорядоченное общество (что включено в предположение о нулевых транзакционных издержках). Все эти предположения налагают существенные ограничения на определение характера государства: о нем сложно судить до тех пор, пока эти предположения остаются в силе. Это значит, что применительно к теории двойного баланса открытый доступ к экономике, подразумеваемый неоклассической экономической теорией, не может сохраняться без соответствующего открытого доступа к политической системе, которая обеспечивает стабильность системы прав собственности и правовых норм.

Экономисты-неоклассики рассматривают государство, права собственности и открытый доступ к экономике как данные, а политологи изучают выборы и политические решения в условиях общества с открытым доступом, предполагая существование стабильной демократии, открытого доступа к политической конкуренции и свободы мнений. Ни одна из этих теоретических моделей не в состоянии объяснить, каким образом обеспечивается социальный порядок с открытым доступом.

В эмпирических работах по политологии, начиная по меньшей мере с Липсета, говорится о сильной корреляции между демократией и процветанием рынков и экономики в целом. Однако направление причинно-следственной связи остается неясным. Новые демократические государства, возникшие в очень бедных странах, вряд ли можно назвать процветающими.²⁶ При этом все очень богатые страны – это страны с демократическим режимом. Наш концептуальный подход предполагает, что экономические и политические институты переплетены настолько тесно, что маловероятно, чтобы установление причинно-следственной связи способствовало более глубокому пониманию сложных процессов, задействованных в поддержании социального порядка. Мы утверждаем, что политическая и экономическая конкуренция оказывают друг другу взаимную поддержку.

Основной вопрос политической теории открытого доступа – это объяснение того, каким образом поддерживается политическая и экономическая конкуренция. На политических деятелей обычно оказывается давление с целью предоставления привилегий или льгот, и авторы многих работ акцентируют внимание на поиске ренты в рамках политической деятельности (см. Buchanan, Tollison and Tullock (1980)). **Что препятствует превращению социального порядка с открытым доступом в естественное государство? Каким образом обеспечивается доступ к различным типам организаций?**

Если мы призовем на помощь конституцию, это не поможет нам ответить на эти вопросы. Затем нам следует объяснить, каким образом поддерживается конституционный порядок, и к этому вопросу мы вернемся ниже. В условиях социального порядка с открытым доступом политическая конкуренция требует, и это действительно необходимо, наличия множества широких, сложных и хорошо организованных интересов, которые успешно конкуриру-

²⁶ Более глубокий анализ демократии и развития см. в работе Пжеворского, Альвареса, Чайбуба и Лимонжи (Przeworski, Alvarez, Cheibub and Limongi (2000)). Кроме того, в работе Кифера и Влайцу (Keefer and Vlaicu (2005)) исследуется, почему новые демократические государства так часто терпят поражение.

ют друг с другом посредством тех или иных политических институтов из числа существующих.

Когда неоклассическая экономическая теория включает в анализ организации (фирмы), это позволяет убедительно показать, каким образом сосуществуют ярко выраженные и сложные интересы в условиях конкурентного равновесия. Мирного сосуществования фирм не бывает. Форд, Дженерал Моторс, Тойота, Ниссан, Мерседес и БМВ постоянно конкурируют между собой, но, как правило, в краткосрочном периоде они неспособны уничтожить друг друга. Динамика конкурентного рынка служит гарантией того, что в отсутствие государственного вмешательства от имени одного из конкурентов или положительного эффекта масштаба в производстве рынки со свободным доступом останутся открытыми и конкурентными. Кроме того, как подчеркивал Шумпетер, в долгосрочном периоде конкуренция в меньшей степени касается цен, а в большей – инноваций и новых продуктов. В долгосрочном периоде процесс созидательного разрушения устраняет конкурирующие фирмы целых отраслей. Созидательное разрушение серьезно зависит от свободы доступа к организационным формам и их поддержки. Предприниматели способны постигать новые возможности получения ренты и создавать организации, позволяющие присваивать соответствующие выигрыши. Чрезвычайно важно, что рынки с открытым входом порождают внутрифирменные экономические интересы (а также внутренние интересы других экономических субъектов), которые очень чутко реагируют на изменение государственной политики.

Главная проблема заключается в том, что рыночным организациям выгодно сохранять систему, которая обеспечивает защиту прав собственности, а также принуждение к выполнению контрактов и правовых норм. В крайнем случае, политики вынуждены вмешиваться в функционирование рынков в политических целях, но главная особенность обществ с открытым доступом состоит в том, что во многих случаях открытый доступ сохраняется в течение длительного времени (как это происходит в США и в Западной Европе).

Подведем итог сказанному в виде следующего теоретического предположения: *Устойчивая конкурентная демократия возможна только в условиях экономической конкуренции и появления сложных экономических организаций.*

Важное различие между экономикой и политикой заключается в том, каким образом они соприкасаются. Экономическая теория обращает внимание на то, что конкуренция возникает на границе политики и экономики. Следствием успешной экономической конкуренции являются более высокие прибыли и рента, однако устранение конкурентов – единичное, а не всеобщее явление. В отличие от этого, позитивная политическая теория акцентирует внимание на том, что политический процесс предполагает выбор единственного победителя среди большого числа самых разнообразных конкурентов. Политическая теория и политическая жизнь, несомненно, ориентированы на максимальный результат: в перспективе победитель получает все. Когда новая партия одерживает победу, часто политика изменяется весьма серьезно, в максимальном объеме и во всех своих аспектах.

Каким образом современный социальный порядок с открытым доступом предотвращает экспроприацию политическими победителями собственности проигравших соперников? Каким образом, говоря словами Пжеворского (Przeworski (1991)), проигравшие политики убеждаются в том, что сегодня в их интересах уступить власть и что им стоит продолжать жить, чтобы однажды одержать победу? Наш ответ можно разделить на три основные части.

Часть 1. Для социального порядка с открытым доступом характерен свободный доступ к организационным формам, особенно к договорным, всех индивидов, которые сталкиваются с обезличенными потребностями.²⁷ Политические и экономические институты предоставляют доступ к тем или иным договорным и организационным формам любому желающему. Широкий круг организаций создается для того, чтобы обеспечивать своих членов клубными общественными благами*.

Часть 2. Согласно определению государства у Вебера (Weber (1947)), при всех социальных порядках с открытым доступом государство обладает монополией на узаконенное применение насилия. Эта монополия включает два аспекта. Во-первых, государство не допускает существования частных организаций, применяющих насилие. Во-вторых, оно подавляет альтернативные источники насилия. Социальные порядки с открытым доступом, которые оказываются не в состоянии решить вторую задачу, обычно неспособны сохранить свою открытость.²⁸

Часть 3: Поскольку государство обладает правом монопольного контроля над применением насилия, должны быть четко сформулированы и понятны правила, определяющие, где и по какой причине государство может прибегать к насилию на законном основании. Кроме того, незаконное применение насилия со стороны государства можно выявить и пресечь путем наложения санкций на членов правительства.²⁹ Возможность налагать санкции на правительство требует наличия четких, понятных и ненасильственных механизмов, позволяющих конкурирующим группам и организациям: а) бороться за контроль над государством; б) защищать права от посягательств как со стороны го-

²⁷ В современном открытом обществе «доступ к организационным формам» часто понимается как индивидуальное право.

* Клубные (облагаемые пошлиной) блага – это блага, которые потребляются в полном объеме и неделимы, но доступ к ним ограничен либо по признаку принадлежности к определенной группе людей, либо в силу пространственного расположения. – *Прим. ред.*

²⁸ Это не означает, что всякое общество, в котором государство обладает монополией на узаконенное применение силы, представляет собой социальный порядок с открытым доступом. Монополия на применение насилия представляет собой необходимое, но не достаточное условие существования порядка с открытым доступом. Несмотря на то что большинство естественных государств пытаются монополизировать применение насилия при помощи включения наиболее влиятельных членов общества, специализирующихся на насилии, в господствующую коалицию, многие терпят неудачу. Социальные порядки с открытым доступом успешно препятствуют конкуренции между узаконенными организациями с использованием методов насилия и принуждения.

²⁹ Правила, касающиеся узаконенного применения силы, должны быть четко сформулированы, обычно в виде конституционных норм – «дорожной разметки», которая позволяет точно определить, когда те, кто находится у власти, нарушают эти правила.

сударства, так и других частных групп; в) улаживать споры между группами. Кроме того, необходимо, чтобы эти механизмы действительно работали.

Таким образом, обеспечение открытого доступа требует гарантий соблюдения конституционных норм, упоминаемых в *части 3*. В современном мире во многих случаях социальные порядки с ограниченным доступом располагают конституционными нормами и законами, ограничивающими незаконное принуждение со стороны государства и обеспечивающими защиту прав и урегулирование споров частных лиц, однако государство неспособно соблюдать эти нормы и законы. Как же этот механизм работает в условиях социального порядка с открытым доступом?

Как показывает Вейнгаст (Weingast (2006)), возможность того, что в результате политической борьбы победитель получит все, подразумевает, что все успешно действующие конституции обязаны ограничивать власть. Это означает, что в условиях социального порядка с открытым доступом политическая конкуренция обычно подконтрольна сравнительно небольшим государственным структурам в пределах возложенных на них функций. Захват власти в результате выборов – это только начало. Вейнгаст описывает систему конституционной формы правления с точки зрения личных прав, а также различных структур и методов управления, налагающих ограничения на принятие политических решений. Но личные права защищены только в том случае, если механизмы управления, четко сформулированные в конституции – система сдержек и противовесов и многочисленные возможности наложения вето, – подкреплены совместимыми со стимулами обязательствами защищать права части групп, играющих в обществе важную роль.

Соблюдение прав и конституционных норм обеспечивается при помощи ряда общих и частных механизмов. Самый общий механизм – это условие консенсуса (Weingast (1997, 2006)). Идея заключается в том, что если граждане могут сообща реагировать на нарушения конституции, они могут угрожать наказанием тем представителям власти, которые пытаются нарушить правила. Чтобы удержаться на своем посту, должностные лица нуждаются в поддержке, а согласованные действия, которые их этого лишают, таят в себе угрозу потери занимаемого поста. В условиях социального порядка с открытым доступом конституция содержит узловые решения координационных проблем, которые помогают гражданам действовать сообща.

Но граждане не могут согласовывать свои действия самостоятельно, они нуждаются в помощи посредников – организаций. Если правительство нарушает хорошо известную конституционную норму, конституция социального порядка с открытым доступом полагается на согласованные действия законных властей и граждан в целях выявления и наказания нарушителя. Механизмы наказания не будут самовыполняющимися, если правом наказания за нарушение конституционных норм обладают исключительно члены правительства (как это происходит в естественном государстве). Общество в целом также должно быть способно выявлять и наказывать субъектов, поведение которых противоречит конституции. Маловероятно, чтобы такое наказание осуществлялось путем несогласованных действий индивидов, издержки же осуществ-

вления согласованных коллективных действий слишком высоки. Так или иначе, граждане нуждаются в координации своих коллективных действий.

Это тот момент, когда вступает в силу *часть 1*. Всю эту работу проделывает открытый доступ. В обществах с открытым доступом в изобилии имеются разнообразные виды хорошо организованных групп. Эти организации могут создаваться по целому ряду причин, но какими бы они ни были, существование хорошо организованных групп предполагает наличие многочисленных фокальных точек, в которых сконцентрированы результаты деятельности правительства, и их можно оценить и оспорить. Кроме того, радарными множества организаций улавливается деятельность правительства, которая неблагоприятно воздействует на большое число индивидов.³⁰ Эти организации уже преодолели проблему «безбилетника» благодаря использованию третьей стороны для принуждения к соблюдению внутренних соглашений. Одни из упомянутых организаций могут быть политическими, другие – экономическими, а все прочие – чисто общественными. Но все они реагируют, координируя свои действия. Любую организацию, какой бы ни была ее первоначальная цель, в случае необходимости можно легко приспособить к тому, чтобы она служила политическим интересам ее членов. В действительности, эта угроза политической деятельности организаций является главной причиной их подавления со стороны большинства естественных государств. Поэтому открытое общество с большим количеством конкурентных договорных организаций намного лучше приспособлено к соблюдению конституции.³¹ Такова логика открытого порядка.

Политологи давно признали важную роль развитого гражданского общества – общества, богатого организациями, – в обеспечении демократии (**O'Donnell and Schmitter (1986)**). Наличие организованных экономических интересов делает более прочными достоверные обязательства, например, демократически избранного большинства не нарушать интересы меньшинства. Подобно этому, наличие хорошо организованных политических структур, действующих в конкурентной политической среде, делает более прочными достоверные обязательства государства по обеспечению открытого доступа к большому числу форм экономической деятельности.

Кроме того, ряд более конкретных механизмов помогает не допустить обратного развития социального порядка с открытым доступом в естественное государство посредством раздачи привилегий, наложения запретов и создания ренты. Мы уже рассмотрели, каким образом конкурентные рынки помогают согласовывать действия, направленные против нарушений закона со сто-

³⁰ Это не означает, что в обществе с открытым доступом большое число индивидов не может подвергнуться репрессиям или эксплуатации – совершенно очевидно, что может. Однако это очень сложно – постоянно подвергать репрессиям или эксплуатировать индивидов, которые имеют право создавать договорные организации и использовать их для борьбы за политическую или экономическую власть.

³¹ Совсем необязательно, чтобы каждый гражданин обращал внимание на деятельность правительства. Наличие ключевых конституционных норм, а также создание политических и экономических организаций позволяют обществу успешно следить за деятельностью государства, неся относительно невысокие издержки.

роны правительства. Кроме того, от посягательства на нарушение правовых норм, прав собственности и в целом правил функционирования рынка удерживают мобильность факторов производства и финансовые интересы государства. Мобильные факторы производства, особенно труд и капитал, стремятся выйти из-под юрисдикции государств, обеспечивающих менее благоприятную внешнюю среду. В глобальной экономике это означает, что для стран, в которых наблюдается значительное повышение уровня стремления к получению ренты и нарушения правовых норм, характерна тенденция к потере капитала, включая человеческий капитал. Подобным образом, в большинстве случаев социальные порядки с открытым доступом для финансирования правительственных программ и производства общественных благ используют налоги с широкой базой, обычно подоходный налог и налог на добавленную стоимость. Налоги с широкой базой предполагают, что налоговые поступления государства зависят от состояния рынка. Постоянный рост уровня привилегий и стремления к получению ренты сдерживают развитие экономики, а значит, сокращают налоговые поступления.

Сочетание мобильности факторов производства с финансовыми интересами государства подразумевает, что независимо от того, каковы цели государственных должностных лиц, серьезные попытки государства по созданию ренты будут сдерживать как развитие экономики, так и увеличение налоговых поступлений. Сокращение темпов экономического развития имеет обратную сторону: люди теряют работу; сокращение же налоговых поступлений предполагает, что государство не в состоянии поддерживать прежний уровень политических выигрышей. В обоих случаях государственным чиновникам трудно сохранить свои посты.

Наконец, серьезный контроль над нарушениями со стороны правительства обеспечивают выборы при условии существования оппозиции, заинтересованной в борьбе за общее дело ради тех, чьи интересы и права государство пытается нарушить. Открытый доступ к организациям любого типа служит средством координации действий граждан, социальных групп, компаний и оппозиционных партий в борьбе с потенциальными нарушениями.

Выводы. Как и в естественном государстве, в условиях социального порядка с открытым доступом существует тесная связь между институциональными структурами политической и экономической систем. Для всех социальных порядков с открытым доступом характерен двойной баланс институтов и организаций. Таким образом, политическая конкуренция усиливает экономическую и наоборот. В экономике открытый доступ гарантирует наличие полного набора организаций, реагирующих на конституционные нарушения. Открытый доступ в политике помогает контролировать правительство и обеспечивает устойчивость основных институтов, таких как защита прав собственности и правовых норм, необходимых для сохранения конкурентных рынков.

Существование конкуренции в рамках социального порядка с открытым доступом содействует развитию обезличенного обмена и обеспечивает работу ценового механизма. Функционирование рынков приносит огромную выгоду. В противоположность естественному государству, здесь цены отражают

ограниченность ресурсов. Поэтому ресурсы могут перемещаться в самую ценную область применения, и в силу того, что цены отражают предельные издержки и предельные выигрыши, ресурсы действительно способны искать и находить такую область применения.

Кроме того, что цены обеспечивают обезличенную координацию рыночного обмена, их изменения сразу же сигнализируют о результатах государственной политики. В условиях политической конкуренции основным способом решения проблемы ограничения власти является установление ряда прав, в том числе экономических, которые государство не должно нарушать. Придание этим правам характера достоверных обязательств отчасти связано с ценовым механизмом, который быстро передает информацию заинтересованным сторонам, а также с существованием организаций, которые реагируют на эту информацию. Сочетание экономических прав с открытым доступом обеспечивает приток инвестиций, необходимых процветающим рынкам.

Историки давно обратили внимание на то, что возникновение обезличенного обмена является важным аспектом долгосрочного экономического роста (North (1981); Greif (2005)). Действительно конкурентные рынки позволяют контролировать разного рода мошенничество и оппортунистическое поведение. Индивиды, которые верят, что их не обманут в бакалейной лавке, тратят намного меньше ресурсов на измерение, наблюдение и заключение сделки. Иначе говоря, для экономики с обезличенным обменом характерны низкие транзакционные издержки. Поскольку индивиды могут свободно заключать сделки с торговцами, с которыми постоянно имеют дело, заключается намного больше сделок, чем в условиях социального порядка с ограниченным доступом. Транзакционные издержки снижаются повсеместно, и в целом рынки не только сохраняются, но и работают более эффективно.

Рассмотрим последний вопрос: почему те же самые механизмы, которые поддерживают порядок с открытым доступом, не оказывают такого воздействия на естественное государство? В конце концов, в естественных государствах существуют рынки, мобильные факторы производства, финансовые интересы и, зачастую, выборы, и даже в той или иной степени соблюдается условие консенсуса. Ответ заключается в том, что все дело в открытом доступе и конкуренции. При их наличии все эти механизмы работают по-другому. Естественные государства ограничивают доступ и исключают конкуренцию. Они затрудняют создание организаций и тем самым ограничивают круг организаций, которые помогают гражданам координировать свои действия в борьбе с государством. На самом деле недопущение подобной координации служит одним из объяснений того, почему большинство естественных государств ограничивают доступ к организациям. Кроме того, работе рыночных механизмов препятствует более жесткий контроль над экономикой со стороны естественного государства в целях получения ренты. Например, мобильные факторы производства менее эффективны в странах, которые активно препятствуют вывозу труда и капитала. Контроль над рынками также означает, что рыночные цены менее эффективно сигнализируют о результатах деятельности государства. И в тех естественных государствах, в которых проходят выборы, ог-

раничения на создание организаций, свободу слова и предвыборную борьбу снижают их эффективность. И наконец, естественные государства не соблюдают в должной степени условие консенсуса. Сочетание ограничений на создание организаций и на соблюдение условия консенсуса предполагает, что граждане естественных государств обладают более ограниченными возможностями координировать свои действия с целью противостояния нарушениям законов со стороны государства.

Таким образом, теория двойного баланса позволяет понять, почему политические и экономические системы функционируют параллельно. Это происходит благодаря равновесию. Рассуждения, приведенные в разделе, посвященном естественному государству, показали, почему одновременно происходит ограничение доступа и к политической, и к экономической системе. В противном случае естественное государство прекратит свое существование. Убедительность этому разделу придает то, что одновременно приводится аргументация в пользу социальных порядков с открытым доступом: в конкуренции и открытом доступе нуждаются как политика, так и экономика.

7. ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРЕХОДА ОТ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ К ПОРЯДКУ С ОТКРЫТЫМ ДОСТУПОМ

Мы рассмотрели три вида социальных порядков. Каким образом страны переходят от одного устойчивого социального порядка к другому? В частности, как происходит переход от социального порядка с ограниченным доступом к порядку с открытым доступом?

Чтобы разобраться в проблеме перехода, мы обращаем внимание на то, что для каждого социального порядка характерны организации того типа, которые его поддерживают. Простой порядок не может поддерживаться договорными организациями, так что организации – в той мере, в которой они вообще существуют – должны быть представлены организациями сторонников. Ограниченный порядок обеспечивает создание организаций сторонников и договорных организаций, но он налагает существенные ограничения на их число и тип договорных организаций, которые можно создавать. Социальный порядок с открытым доступом предполагает существование широкого круга организаций сторонников и договорных организаций. Открытый доступ к организациям порождает политическую и экономическую конкуренцию, содействует процветанию рынков и обеспечивает устойчивый современный экономический рост. Чтобы объяснить переход от общества с ограниченным доступом к обществу с открытым доступом, нам необходимо разобраться в процессах институциональных изменений, обеспечивающих постоянный открытый доступ к организационным формам.

Наше внимание к организациям необычно для традиционных обществоведческих исследований источников современного общественного развития. Обычно утверждается, что важным аспектом всех развитых стран является какая-либо характерная черта современного общества, такая как обезличен-

ный обмен, накопление капитала, конкурентные рынки, демократия, правовые нормы, высокий уровень дохода, географическое положение, заболеваемость населения или повышенное внимание к собственной личности и индивидуальным правам. Затем ученый-обществовед прослеживает становление этого аспекта при помощи исторических документов, чтобы понять, имеет ли наличие или возникновение этой характерной черты отношение к современному развитию.³²

Вместо того чтобы охарактеризовать современное развитие как ряд результатов, мы определяем его как *процесс*, включенный в определенный социальный порядок – порядок с открытым доступом. Наш концептуальный подход позволяет выявить социальные процессы, обеспечивающие обезличенный обмен, рыночную конкуренцию и конкурентную демократию. Для проникновения в суть этих процессов нам следует рассмотреть взаимодействие институтов и организаций, а именно институциональную поддержку или ограничения, налагаемые на возможность создания организаций определенного типа, которые могут обеспечивать доступ к другим организационным формам.

Наш подход включает три этапа. На *первом этапе* выявляются конкретные институты, совместимые с логикой естественного государства, которые, тем не менее, содействуют обезличенному обмену между элитами. Эти институты начинают переход и приводят естественное государство к «пороговому» состоянию.

На *втором этапе* определяются силы, которые обеспечивают переход находящегося в пороговом состоянии социального порядка с ограниченным доступом к порядку с открытым доступом. Важной чертой естественных государств является то, что господствующая коалиция сама налагает ограничения на свои размеры. В таких государствах возникают уравнивающие силы, стремящиеся ограничить доступ. Чтобы объяснить, каким образом господствующая коалиция расширяет доступ, нам необходимо выяснить, каким путем можно преодолеть характерную для естественного государства тенденцию к самоограничению.

Третий шаг нашей аргументации начинается с часто наблюдаемого явления, которое заслуживает особого внимания: в разных условиях один и тот же институт или механизм приводят к разным результатам. В частности, многие инс-

³² Классическим и поучительным примером того, как можно проследить развитие концепции «народного согласия», начиная с древнегреческих и древнеримских мыслителей, затем канонистов, медиевистов и британистов, и заканчивая нашим временем, является работа Маккиллена *Constitutionalism: Ancient and Modern*. В отношении правовых норм аналогичную работу проделал Берман в своем труде *Law and Revolution*. В работе *Politics in the Middle Ages* Гирке описывает развитие корпоративных форм. В работе *The Kings Two Bodies* Канторович исследует, как в Европе развивалась идея о корпоративном и обезличенном государстве. В своем труде по экономической истории *The European Miracle* Джонс, отвечая на вопрос о причинах развития Европы, исходит из раздробленности и вытекающей из этого конкуренции политических субъектов. Лендес в труде *The Wealth and Poverty of Nations* сосредоточивает внимание на культуре как решающем факторе, объясняющем разный уровень развития отдельных обществ. В центре внимания Розенберга и Бирдцелля в работе *Why the West Grew Rich* находится комбинация технологии и организации. По-видимому, можно приводить бесчисленное множество примеров исторического анализа подобного рода.

титуты и механизмы работают по-разному в зависимости от того, включен институт в социальный порядок с ограниченным или с открытым доступом. Институты состоят из правил, образцов поведения и убеждений. Например, такое правило, как избрание главы государства большинством голосов правомочных избирателей, обеспечивает иные результаты при наличии открытого доступа и политической конкуренции в сравнении с условиями ограниченного доступа.

Из данного наблюдения следует важный вывод о том, что создавать и поддерживать институт намного сложнее, если новые правила и образцы поведения приходится изобретать заново, чем когда к новому институту можно приспособить уже существующие правила и образцы поведения (Greif (2005)). Например, обычно проще провести выборы на конкурентной основе в обществе, в котором выборы уже проводились, даже если они не предполагали политической конкуренции.³³ Подобным образом, проще создать открытый доступ к давно существующим корпорациям в обществе, которое уже до этого обеспечивало ограниченный доступ к таким корпорациям. Это правило распространяется на все институты. Третий шаг указывает направление поиска того, каким образом институты естественного государства можно адаптировать к открытому доступу с минимальным объемом институциональных изменений. Объяснение процесса перехода требует понимания того, каким образом малейшее расширение доступа в условиях естественного государства может тем или иным образом перерасти в полноценный переход.

Любое объяснение процесса перехода следует начинать с естественного государства. Однако это предъявляет к ходу наших рассуждений определенные логические требования. Любое объяснение перехода должно соответствовать следующим условиям:

1. *Существующие на момент начала процесса перехода институты, организации и образцы поведения индивидов должны соответствовать поведению, принятому в естественном государстве.*
2. *Изменения в институтах, организациях и образцах поведения, происходящие в процессе перехода, следует рассматривать как преднамеренные действия, совместимые с интересами господствующей коалиции, но последствия подобных изменений не обязательно входят в ее намерения. Несмотря на то что в условиях естественного государства члены коалиции могут сознательно осуществлять институциональные или организационные изменения, обычно они не ставят перед собой цели начать или продолжить процесс перехода.*
3. *Переход происходит в течение определенного исторического периода благодаря ряду усиливающих его изменений в институтах, системах и поведении индивидов. На каждом этапе этого перехода поступательное расширение доступа должно поддерживаться существующими политической и экономической системами.*

³³ То, что в Мексике в течение большей части XX в. проводились выборы, не означало, что они проводились на конкурентной основе (см. Haber et al.). Однако наличие выборов как институциональной нормы облегчило мексиканцам переход к конкурентным выборам, который они осуществили за последние два десятилетия. Им не надо было изобретать одновременно институт выборов и открытый доступ к политическим организационным формам, а можно было ограничиться последним.

Логические условия, требующие, чтобы объяснение перехода начиналось с действий, соответствующих логике естественного государства, позволяют нам проследить ряд изменений в институтах, организациях и действиях, которые могут обеспечить переход к открытому доступу.

7.1. Пороговые условия и обезличенный обмен

Обычно внутренние структуры каждого естественного государства подвергаются постоянным, пусть и случайным, изменениям. Правящие режимы и династии переживают взлеты и падения, относительные цены непрерывно корректируются, умонастроения меняются, ближайшие конкуренты появляются и исчезают, границы смещаются. Разнообразные формы, которые могут принимать политическая и экономическая системы в пределах естественного государства, приводят к разным политическим и экономическим результатам.³⁴ Кроме того, если изменяются условия существования естественного государства, то изменяются и эти результаты. Благодаря подобным изменениям общество иногда создает механизмы, увеличивающие шансы перехода к открытому доступу. Если обратиться к истории, то на пороге подобного перехода, по-видимому, находились общества древних Афин, республиканского Рима и городов-государств северной Италии в эпоху Возрождения, хотя ни одному из них не удалось построить общество с открытым доступом современного типа.

Мы начинаем наш анализ процесса перехода с вопроса: какие черты естественных государств определяют их готовность к переходу и что позволяет им его продолжать?

Характерная черта перехода заключается в распространении среди элит обезличенного обмена. Персонафицированный обмен предполагает существование личных связей между участниками, так что его важнейшим аспектом является постоянство этих связей. Если одна из сторон обманывает другую, ей грозит разрыв отношений и потеря связанного с ними выигрыша. Необходимость повторения взаимодействий ограничивает круг сделок, совершаемых каждым данным индивидом.

В противоположность этому, участники обезличенного обмена не вступают в долгосрочные личные отношения и могут заключить единственную сделку. Обезличенный обмен требует, чтобы участники были вполне уверены в том, что их права и обязанности будут защищены, несмотря на отсутствие повто-

³⁴ Что касается экономики, то Ян Моррис, используя данные антропометрических измерений и образцы материальной культуры, показывает, что жизненные стандарты, принятые в античной Греции, могли быть вдвое выше, чем в Греции эпохи раннего Средневековья. Обзор Стекела и Роуза антропометрических данных по Америке, представленный в работе *The Backbone of History*, свидетельствует о существовании в различных обществах и странах совершенно разных жизненных стандартов. Что касается политики, то стоит вспомнить о различиях в политических системах Афин, Спарты и других греческих городов-государств или о различиях между Венецией, Флоренцией, Генуей и Миланом и другими итальянскими городами-государствами, чтобы убедиться в разнообразии и постоянном изменении политических систем. Конкретный пример быстрого изменения политической системы и судьбы Флоренции в конце XV в. приводит Макиавелли в своих трудах *Государь* и *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*.

ряющегося взаимодействия. Поэтому такой обмен требует той или иной формы принуждения со стороны третьих лиц.

Все системы естественного государства опираются на персонифицированный обмен, личные взаимоотношения и личные обязательства. В этих условиях обезличенный обмен между элитами не может развиваться до тех пор, пока не будут созданы особые условия, которые мы называем *пороговыми условиями*. Как только подходящие пороговые условия созданы, возможно, но не обязательно, что они послужат формированию обезличенного обмена между элитами как поворотного пункта, в конечном итоге открывающего доступ к политической и экономической системе.

Три пороговых условия – это:

- 1) *правовые нормы для элит;*
- 2) *постоянно действующие формы организаций для элит (включая само государство);*
- 3) *политический контроль над вооруженными силами.*

Пороговые условия последовательно вытекают одно из другого. Создание постоянно действующих организаций требует наличия соответствующих правовых норм. Установление политического контроля над вооруженными силами требует наличия как правовых норм, так и постоянно действующих организаций для элит. Все три условия необходимы для становления обезличенного обмена в пределах элит. Рассмотрим каждое из них по порядку.

1. *Правовые нормы для элит.* Каждое естественное государство представляет собой организацию – группу индивидов, связанную взаимными интересами и угрозами. Их постоянное взаимодействие неизбежно порождает соответствующие привычки, формирующие общепринятые действия и позволяющие создавать как неформальные, так и формальные правила, регулирующие конкретные отношения в пределах элит. Определение прав элит и разрешение споров о правах между их представителями – это основная задача любого естественного государства. Его относительный успех зависит от способности формировать устойчивые отношения между элитами. Все естественные государства решают эту задачу, выявляя тех членов элит, которые будут выполнять роль третейских судей и посреднические функции. В некоторых, но не во всех естественных государствах эти функции реализуются в рамках аппарата правления и правосудия. Как мы подчеркивали выше, права собственности и правовая система своим происхождением обязаны установлению прав элит в условиях естественного государства.

Правовые нормы требуют создания судебной системы, в рамках которой индивиды с соответствующим правовым статусом имеют доступ к защите закона и к услугам судов, решения которых беспристрастны и обязательны, по крайней мере, в отношении элит.³⁵ Правовые нормы, безусловно, должны иметь

³⁵ Под беспристрастностью мы подразумеваем не то, что законы сами являются справедливыми, а то, что они справедливо применяются. В правовых системах естественных государств часто проводятся различия между отдельными индивидами на основе статуса, и поэтому нет смысла в том, чтобы в условиях естественного государства правовые нормы для элит предполагали равенство всех элит перед законом. Но правовые нормы для элит должны предполагать равенство перед законом всех индивидов, принадлежащих к определенному социальному классу.

однозначное толкование, но масштабы и область их применения постоянно меняются и различаются в зависимости от конкретного общества.

Часть предназначенных для элит правовых норм включает правовую поддержку тех или иных организационных форм. Известно, что такие общественные структуры, как церковь, обладают определенными привилегиями и ответственностью на основе публичного права – той отрасли права, которая регулирует деятельность государства. Привилегии элит, как правило, устанавливаются не как личные права, а связываются с местом, которое они занимают в организации, признаваемой государством. К примеру, король, папа римский, архиепископы и дворяне могут обладать привилегиями, связанными с положением в системе власти.

2. *Постоянно действующие формы организаций для элит (включая само государство)*. Постоянно действующая организация – это организация, которая продолжает существовать, когда отдельных членов уже нет в живых. Например, товарищество не является подобной организацией, поскольку в случае смерти (или выхода из него) одного из партнеров оно должно быть реорганизовано. Корпорация же представляет собой постоянно действующую организацию, поскольку ее структура позволяет продолжать существование, когда некоторых или всех создавших ее индивидов уже нет в живых, и ни один член (за исключением очевидного случая с единственным индивидом, обладающим мажоритарным контролем) не может ее распустить по своему желанию. Организации, которые существуют по прихоти короля или любого другого главы государства, никогда не бывают вечными. Следовательно, постоянно действующие организации – это не те организации, которые существуют вечно, а те, которые продолжают существовать в течение длительного времени.

Постоянно действующие организации не могут существовать в отсутствие правовой системы, способной принуждать к соблюдению правовых норм, касающихся организаций. Выражаясь юридическим языком, организация должна стать субъектом права, способным осуществлять права и нести обязанности. Постоянное действие организаций должно иметь однозначную трактовку, поскольку существует множество параметров, по которым можно систематизировать подобные организации и допускать их существование.

Важно уметь проводить тонкое различие между правовыми механизмами, обеспечивающими существование организаций. В целом правовые системы наделяют занимающего определенный пост (или участвующего в организации) индивида властными полномочиями определять поведение своего преемника(-ов) или лишать его (их) подобных полномочий. Мы наблюдаем множество организаций, существующих продолжительное время и имеющих стабильные и долговечные внутренние механизмы, хотя руководители и члены неспособны окончательно навязать будущим преемникам выполнение своих сегодняшних обязательств. Сама по себе долговечность институциональных устройств, существующих в пределах организации, не обеспечивает ей вечную жизнь. Постоянно действующие организации продолжают существовать, когда прежних членов уже нет в живых. Обещание, данное организацией сегодня, будет выполнено, невзирая на индивидуальные характеристики бу-

дущих членов. В результате, для того чтобы организации действовали на постоянной основе, необходимо выявить ряд таких признаваемых государством и судебной системой организационных форм, время существования которых простирается за пределы жизни отдельных членов организаций.

Это различие можно четко показать при помощи примера. После того как была установлена Римская империя, императоры зачастую оставляли завещания, подробно расписывая, каким образом их собственность будет распределена между наследниками, и даже называли имя преемника – будущего императора, и право выполнять определенные руководящие функции относилось к числу прав собственности императора. Однако наследники умерших императоров регулярно пренебрегали их пожеланиями. Иногда они даже убивали того, кого император провозглашал своим преемником. Многие сопутствующие империи институты продолжали существовать в течение многих столетий. Но лишь некоторые из них можно отнести к числу постоянно действующих. Договор с одним императором мог быть безнаказанно разорван его преемником. Фактически долговечным элементом институциональной структуры империи было то, что император был выше закона, обладал суверенитетом, не ограничивался в своих действиях указаниями предшественников и, как следствие, не ограничивал действия своих преемников.³⁶ И хотя многие институты Римской империи просуществовали длительное время, по своей сути она не была постоянно действующей организацией. Римские институты и организации были устойчивыми, но не вечными. Не всегда можно было заставить нового императора выполнять условия соглашений, заключенных его предшественником.

Исторически развитие правовых норм для элит неизбежно влекло за собой, среди прочего, развитие правовой поддержки элитарных организационных форм. Такая поддержка была неотъемлемой частью институциональной структуры зрелого естественного государства. Тем не менее в условиях естественного государства организации элит обычно существовали недолго. Доступ к организационным формам и правам, которыми пользовались определенные организации, обычно обсуждался в процессе переговоров о распределении ренты между членами господствующей коалиции. Характерные особенности организации определялись специфическими чертами членов, особенно тех, кто ее возглавлял. Организации элит могли быть долговечными, но большинство из них нельзя отнести к постоянно действующим организациям. Как неоднократно показывала европейская история, короли, предшественники которых брали в долг деньги, часто не считали себя связанными законными обязательствами по выплате долгов. Кредиторы средневековой Европы давали деньги взаймы не постоянно действующим организациям, негласным главой

³⁶ В ходе европейских дебатов о природе суверенитета и, в конечном счете, о божественных правах римских пап и монархов некоторые участники выступали в поддержку божественного происхождения прав королей, что несовместимо с существованием в государстве постоянно действующих организаций. Один из главных вопросов заключался в том, находился ли король выше закона или подчинялся ему, и был тесно связан с вопросом о том, получал ли король свои права от Бога или от общества.

которых был король, а тем организациям, чьи структура и обязательства изменялись в зависимости от состава членов.

Если естественное государство не может надежно гарантировать выполнение обязательств, выходящих за временные рамки жизни нынешних членов господствующей коалиции, оно не в состоянии обеспечить соблюдение соглашений тех организаций элит, которые существуют дольше, чем живут их члены. Такая логика рассуждений предполагает, что создание постоянно действующих организаций элиты требует, чтобы государство само стало подобной организацией. Временное государство не в состоянии оказывать постоянно действующим договорным организациям надежную поддержку: ничто не заставит новое государство-преемника сохранять организации, созданные предшественниками.³⁷ Второе пороговое условие требует постоянного сохранения государства как самой важной элитарной организации.³⁸

Создание устойчивых корпораций само по себе непосредственно порождает обезличенный обмен. Контракты и соглашения заключаются с организацией, а не с отдельными членами. Кроме того, действие подобных контрактов длится намного дольше жизни любого члена организации.

3. *Политический контроль над вооруженными силами.* Третьим пороговым условием является политический контроль над вооруженными силами.³⁹ Прежде чем мы сможем рассмотреть этот вопрос с полным пониманием дела, необходимо внести ясность в отношении, по-видимому, повсеместно распространенного представления о том, что государство – это организация, обладающая монополией на законное применение насилия (Weber (1947)). При социальном порядке с ограниченным доступом государство представляет собой коалицию влиятельных индивидов и групп. Государство – это всегда организация, а не индивид. В совокупности все группы, образующие господствующую коалицию в рамках естественного государства, обладают монополией на применение насилия в обществе, но это ни в коем случае не означает, что какой-нибудь индивид или группа, входящая в ее состав, контролируют имеющиеся в ее распоряжении вооруженные силы. В действительности логика рассмотрения естественного государства предполагает, что вероятность того, что гос-

³⁷ Норт и Вейнгаст (North and Weingast (1989)) привели важный пример того, как британское государство стало постоянно действующей организацией, когда оно обеспечило выполнение обязательств по возврату долга, возложив ответственность за долги на «королевский парламент». Такая организация является постоянно действующей и существует дольше, чем живут ее отдельные члены.

³⁸ Следует ли рассматривать постоянно существующее государство как самостоятельное или как предварительное пороговое условие? Пока, в порядке рабочей гипотезы, мы согласимся с первым, но, судя по результатам наблюдений, такой ответ не является однозначным. Как подчеркивалось в разделе о социальном порядке с открытым доступом, теория двойного баланса требует, чтобы организации, подобные постоянно действующему государству, не ограничивались исключительно политической сферой. Надежное соглашение о создании постоянно действующего государства, по-видимому, требует одновременного развития мощных экономических и политических организаций элит. Иначе говоря, устойчивость государства и организаций должна обеспечиваться одновременно.

³⁹ Государственный контроль над вооруженными силами близок к тому, что на сегодняшний день мы называем гражданским контролем над профессиональной армией.

подстывающая коалиция позволит одной группе или фракции контролировать вооруженные силы коалиции в целом, равна нулю. Это происходит по той простой причине, что фракции, не располагающие оружием, неспособны себя защитить, и поэтому группировке, контролирующей вооруженные силы, достанется весь выигрыш, предназначенный для коалиции в целом. Это порождает мощные стимулы к тому, чтобы фракции, не имеющие оружия, стремились его приобрести. В результате в истории редко встречаются естественные государства, где единственная группа из состава господствующей коалиции полностью сосредоточила бы в своих руках контроль над вооруженными силами. Главный вывод из этого заключается в том, что монополией на применение насилия обладают лишь некоторые естественные государства.

Политический контроль над вооруженными силами требует соблюдения ряда условий: существования организации, контролирующей все военные ресурсы страны; в этой организации сконцентрирован контроль над различными военными активами; наличия ряда надежных соглашений, определяющих, каким образом принудительные меры могут применяться в отношении членов коалиции. Почти всегда организация, контролирующая вооруженные силы, – это политическая организация, входящая в состав более широкой правительственной системы, подобно Объединенному комитету начальников штабов в США. В обществах, в которых происходят гражданские войны, по определению отсутствует политический контроль над вооруженными силами. Европейское общество эпохи феодализма или Ближний и Средний Восток в эпоху Османской империи не осуществляли политического контроля над вооруженными силами, поскольку оружием владели как многие члены господствующей коалиции, так и широкие круги населения в целом.

В большинстве естественных государств контроль над вооруженными силами не сосредоточен в одних руках, а неравномерно распределен среди членов господствующей коалиции. Возможность угрожать военными действиями представляет собой одну из правдоподобных угроз, которые обеспечивают устойчивость господствующей коалиции. Вплоть до XVIII в. ни Великобритания, ни Франция не осуществляли политического контроля над вооруженными силами в нашем понимании, и ни в одной из этих стран монархия не обладала длительной монополией на применение насилия или на абсолютный контроль над вооруженными силами в течение достаточно продолжительного периода времени. В обеих этих странах коалиция военных, экономических, религиозных и политических групп влияния находилась в состоянии шаткого баланса, реальной угрозой которому была возможность гражданская война, зачастую становившаяся реальностью.

Политический контроль над вооруженными силами – это тонкий вопрос. В естественном государстве ничто не мешает фракциям держать под контролем вооружения. Но весьма вероятно, что такое государство будет тиранией, а не обществом, находящимся на пороге перехода к социальному порядку с открытым доступом. Кроме того, маловероятно, чтобы такое государство смогло осуществлять политический контроль над вооруженными силами длительное время, поскольку у входящих в состав господствующей коалиции фракций и

групп, лишенных средств самозащиты, нет оснований верить в то, что данные им обещания будут выполнены.

В большинстве естественных государств отсутствие политического контроля над вооруженными силами – это просто свершившийся факт. На самом деле, способность естественного государства сдерживать насилие зависит главным образом от соотношения военной мощи отдельных групп в пределах господствующей коалиции. Способность обеспечивать минимум стабильности в условиях децентрализованной военной власти является одним из главных преимуществ естественного государства и обычно требует баланса децентрализованных военных сил.

Как показано выше в процессе рассуждений о естественном государстве, в обществе, лишенном политического контроля над вооруженными силами, в случае, если разразится гражданская война, члены элиты, не имеющие отношения к военным кругам – торговцы, промышленники, священники, педагоги и другие, – должны заключить союз с членами коалиции, обладающими определенной военной мощью.⁴⁰ Поскольку контракты, заключаемые между этими фракциями, не предусматривают защиту от насилия, маловероятно, что они будут реализованы. Естественное государство, располагающее правовыми нормами для элит и осуществляющее поддержку элитарных организаций, но не обладающее политическим контролем над вооруженными силами, ограничивает возможности обезличенного обмена между элитами. Политический контроль над вооруженными силами устраняет источник договорных рисков и, тем самым, расширяет круг и увеличивает масштабы контрактов, заключаемых между элитами.

Поскольку централизация военной власти в единственной организации представляет собой огромную опасность для господствующей коалиции, консолидация политической власти в условиях естественного государства практически невозможна.⁴¹ Чтобы удерживать политическую власть над объединенными вооруженными силами, члены господствующей коалиции, не имеющие отношения к военным кругам, должны быть полностью уверены в том, что оружие не будет применяться для экспроприации их богатства и ренты, в случае если они выйдут из ее состава. Следовательно, группа, которая осуществляет контроль над вооруженными силами, должна занимать в естест-

⁴⁰ Начиная с крушения Римской империи до, пожалуй, 1700 г. такое общество существовало в Европе; таким обществом, по-видимому, была и Османская империя, как и любое другое общество, в котором вооружены широкие слои населения, а контроль над насилием и возможность его применения представляют собой важнейшее условие членства в господствующей коалиции.

⁴¹ Большинство государств имеет несколько военных организаций: армию, военно-морской флот и т. п. Барцель (Barzel (2001)) утверждает, что разделение вооруженных сил на рода войск ослабляет возможность их использования в политических целях. Но, несмотря на наличие разных родов войск, большинство государств также располагают механизмом единоначалия, ответственность за которое возлагается на известный политический орган. Каждый социальный порядок с открытым доступом предполагает наличие некоторой структуры, которая обеспечивает политический контроль над вооруженными силами, но большинство естественных государств такой структуры не имеют.

венном государстве такое место, которое позволило бы ему контролировать использование этой группой вооруженных сил или определять условия, при которых это возможно.⁴²

Механизм(-ы), которые позволяют централизованным вооруженным силам брать обязательство не злоупотреблять своей властью, должны включать два элемента. Во-первых, господствующая коалиция должна заключить соглашение о том, что означает законное применение насилия, то есть конституционный договор⁴³, так, чтобы его нарушение вызывало широкую реакцию на попытки применения силы. Во-вторых, группы, не имеющие отношения к военным кругам, должны иметь возможность эффективно наказывать правительство и вооруженные силы.

Существование влиятельных, хорошо организованных и жизнеспособных организаций, не связанных с военными кругами, укрепляет оба элемента политического контроля над вооруженными силами. Такие организации служат фокальными точками координации ответных действий при несанкционированном применении силы, и они вполне могут угрожать военным кругам экономическими санкциями. В результате устойчивость политического контроля над вооруженными силами зависит от существования подобных влиятельных организаций элит. В свою очередь существование таких организаций зависит от наличия правовых норм для элит и постоянно действующих элитарных организаций. Из трех пороговых условий обществу труднее всего добиться обеспечения политического контроля над вооруженными силами.

Выводы. Пороговые условия являются результатами функционирования и институтов, и организаций. Все три условия соответствуют критерию (1): они согласуются с логикой рассмотрения естественного государства. Устоявшиеся законодательство и судебная система являются средствами, при помощи которых господствующая коалиция регулирует отношения между элитами.⁴⁴ Постоянно действующие организации служат естественным инструментом ограничения входа и извлечения ренты на постоянной основе.⁴⁵ В условиях консолидации вооруженных сил под контролем политической системы монополия на применение насилия снижает частоту его проявления в государстве.

⁴² В разделе, посвященном открытому доступу, мы показали, что социальный порядок с открытым доступом нуждается в разработке четких правил, определяющих, когда и каким образом государство имеет право на законное применение насилия.

⁴³ Здесь слово «конституция» пишется с маленькой буквы, обозначая реальную структуру государственного аппарата, а не только письменный документ.

⁴⁴ В средневековой Европе становление правовых норм, как в рамках церкви в виде канонического права, так и в пределах светских политических структур в виде гражданского права, осуществлялось на основе принятия или признания римского права, представленного Кодексом Юстиниана. В этом Кодексе содержится яркий пример естественного государства, когда в качестве одной из максим, вновь и вновь цитируемых средневековыми схоластами, утверждается: *quod principi placuit vigorem legis habet* – «чего желает государь, то и закон».

⁴⁵ Создание в XVI в. первых привилегированных торгово-промышленных корпораций явилось результатом желания британских элит использовать возможности монополии внешней торговли. Первой торгово-промышленной корпорацией была Российская компания, которая обладала монополией на торговлю Британии с Россией и владельцами которой были одни лишь влиятельные аристократы.

Важнейший вывод из анализа трех пороговых условий заключается в том, что они значительно повышают уровень специализации и обмена. Правовые нормы для элит расширяют круг соглашений и взаимосвязей между элитами, делают возможной взаимную зависимость, которая не могла бы сохраниться в отсутствие той или иной формы правовой защиты. Постоянно действующие организации создают еще более влиятельные организации, позволяющие заниматься более широким кругом видов экономической деятельности по сравнению с организациями, действующими непродолжительное время. Политический контроль над вооруженными силами имеет два следствия. Во-первых, он резко уменьшает угрозу насилия, так что вероятность того, что насилие в качестве защитной реакции на угрозу применения силы создаст препятствия развитию торговли, намного снижается. Снижение подобного риска расширяет возможности получения выигрышей от обмена, особенно фракциями, которые специализируются на применении насилия. Во-вторых, возможности получения выигрышей от обмена расширяются благодаря уменьшению угрозы экспроприации. Одним словом, естественные государства, которые продвигаются в сторону соблюдения пороговых условий, обычно становятся богаче.

Три пороговых условия позволяют нам понять, какой способ осуществления перехода может соответствовать критерию (3), требующему, чтобы последовательные изменения, ведущие к возникновению открытого доступа, оставались совместимыми со стимулами в течение всего процесса перехода. Важный вывод заключается в том, что *обезличенный обмен между элитами* возможен только в случае соблюдения всех трех пороговых условий. В основе естественных государств, как правило, лежит иерархическая система личных связей. По мере того как естественное государство становится все более сложной структурой, личные отношения между элитами упорядочиваются при помощи социального статуса, который становится определяющей характеристикой индивида. Наделение привилегиями, которыми обладали индивиды разного статуса, конкретных индивидов с конкретным положением в иерархии приводит к разработке более сложных сводов правил и образцов поведения, что в конечном итоге ведет к созданию правовой системы. Поэтому всем сложным естественным государствам присущи покровительство или система клиентских отношений, которые отражают иерархическую структуру персонифицированного обмена.

Система покровительства, кровно-родственные группы или этнические организации представляют собой разумный путь организации обмена и координации коллективных действий в мире, в котором не существует правовых норм или условий для поддержки долговечных и, в конечном итоге, постоянно действующих организаций (Greif (2005)). Но подобного рода связи сохраняются даже в мире, где существуют правовые нормы для элит и постоянно действующие элитарные организации, и это сдерживает развитие обезличенного обмена.

Политический контроль над вооруженными силами дает право элитам, не имеющим отношения к военным кругам, избегать необходимости поддержания личных взаимоотношений с влиятельными военными чинами. Это, в

свою очередь, открывает путь к широкому использованию организаций элит в торговле, образовании и промышленности. Эти новые организации элит могут участвовать в обезличенном обмене, в особенности путем использования при обмене авторитета постоянно действующих организаций, а не личного авторитета отдельных их членов. Банк Англии или Банк США были организациями, построенными на обезличенном обмене, чье длительное существование как субъектов права позволило индивидам доверять этим банкам, даже не вступая в личные отношения с их работниками. Как только обмен между элитами приобретает обезличенный характер, начинают открываться новые возможности.

7.2. Механизмы перехода

Пороговые условия создают возможность обезличенного обмена в рамках элит. В свою очередь такой обмен расширяет круг индивидов, с которыми элиты вступают во взаимодействие и заключают соглашения. Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть: когда развитие обезличенного обмена в рамках элит приводит к устойчивому расширению доступа? Главная проблема – объяснить, каким образом можно преодолеть самоограничения естественного государства с тем, чтобы доступ смог постепенно расширяться.

Логике доказательства определяет процесс развития обезличенного обмена между элитами. Пороговые условия способствуют развитию обезличенного обмена, который, в свою очередь, создает стимулы к расширению границ доступа для институтов, обеспечивающих подобный обмен. Например, рост числа людей, имеющих доступ к правовой системе элит, способствует расширению круга контрактов, а значит, и увеличению выигрыша от обмена, который они смогут получить. Когда элиты видят, что подобное расширение приносит им выгоду, естественное государство становится заинтересованным в этом процессе. Кроме того, располагая готовыми институциональными механизмами для соблюдения элитами правовых норм, естественные государства, находящиеся на пороге перехода к открытому доступу, могут давать достоверные обязательства, касающиеся расширения доступа, при относительно низких издержках.

Подобным образом, обезличенный обмен между элитами порождает косвенные стимулы к расширению круга поддерживаемых государством организаций для индивидов, не входящих в состав элит. Например, государство может использовать средства, обеспечивающие защиту прав всех членов акционерного общества, или содействовать развитию фондовых рынков.

Чтобы нейтрализовать тенденцию естественного государства к самоограничению, элиты в целом должны выигрывать от расширения доступа. Способы, посредством которых большое количество элит обогащается благодаря расширению доступа, мы называем *механизмами перехода*. Они представляют собой элементы общественных механизмов, дающих большинству элит возможность извлечь выгоду от того, что доступ становится открытым, тем самым ослабляя угрозу изменения структуры господствующей коалиции. Механизмы перехо-

да открывают конкретные пути приобретения открытым доступом самоподдерживающегося характера. Кроме того, эти механизмы представляют собой разновидность процесса положительной обратной связи, в рамках которого небольшие изменения порождают импульсы к новым изменениям.

Возможно, наиболее важный механизм перехода – это финансовый механизм. Если изменения в доступе приносят государству значительные финансовые поступления и связанные с этим выигрыши можно разделить между членами господствующей коалиции, могут быть предприняты хотя бы небольшие изменения. Например, в начале XIX в. в **Соединенных Штатах во всех штатах** строго регулировался доступ в банковскую сферу. В 1810 г. в штате Массачусетс вводится система налогообложения банковского капитала. Налог предназначался для ограничения доступа! Но вскоре правительство штата поняло, что оно получит больше поступлений от налога на банковский капитал, чем от дивидендов на акции тех банков, доступ в которые оно намерено ограничить. Принимается решение продать принадлежащие правительству банковские акции, за которым последовало разрешение на открытый доступ в банковскую сферу. В начале 1830-х г. штат Массачусетс получил более 50% прибыли от налогов на банковский капитал, на его территории было сосредоточено больше банков и банковского капитала, чем в каком-либо другом штате. Этому примеру последовало несколько штатов Новой Англии, а в 1840-е гг. открытый доступ к банковской сфере, называемый в США «свободным банковским делом», распространился по всей стране.⁴⁶

Мы обнаружили еще три возможных механизма перехода, но их может быть значительно больше. Первый – это механизм управления. Регулирование экономической активности представляет собой классический способ создания ренты. Однако иногда попытки создания ренты в одной сфере открывают доступ к другой. Например, когда в XIV в. в **Англии экспорт чистой шерсти** контролировался при помощи государственной монополии, одновременно допускался открытый доступ к производству шерсти. Поскольку в большинстве своем овцы выращивались в поместьях аристократов, это не создавало проблем для правящей коалиции, но открывало возможности для будущей конкуренции.⁴⁷

Второй механизм перехода – это представительство сопутствующих институтов. Развитие методов представительства в рамках естественного государства, к примеру, создание английского парламента, обеспечивает будущей небольшой прирост представительства, который может стать самоподдерживающимся.

Третьим механизмом является международная военная и экономическая конкуренция. Общества конкурируют между собой, и характер такой конкуренции порождает заинтересованность в открытом доступе. Это возможно, потому что соответствующие военные технологии требуют участия широких

⁴⁶ См. Wallis, Sylla and Legler *Taxation and Regulation of Banking*.

⁴⁷ Передаваемая из поколения в поколение история о том, что огораживание земель в Великобритании породило ситуацию, когда «овцы съели людей», отражает значимость выращивания овец и производства шерсти для господствующей коалиции в XVIII–XIX вв.

народных масс, а значит, способствуют обеспечению предельно открытого доступа солдат к политической системе, как это было, например, в часто упоминаемом случае тяжеловооруженных древнегреческих пехотинцев-гоплитов.⁴⁸ Это также происходит, если военное соперничество стимулирует экономическое развитие, примером чего является развитие британского военно-морского флота в конце XVIII в.⁴⁹ Похоже, что экономические достижения современно-го Китая в гораздо большей степени способствуют тому, чтобы правящая коалиция Индии пошла на институциональные изменения, в сравнении с открытым доступом к экономической системе в самой Индии.

Поскольку в истории процесс перехода каждой страны будет во многих отношениях уникальным, перед создателями новых теорий и многочисленными историками стоит задача проследить, каким образом работают эти механизмы.

7.3. Переходные процессы, институциональная гибкость и значимость пороговых условий

Последний важный аспект пороговых условий заключается в том, каким образом они облегчают институциональные изменения в процессе перехода. Это один из самых серьезных, хотя и малозаметных аспектов пороговой ситуации. Мы уже говорили о том, что ключ к пониманию перехода лежит в объяснении того, как один и тот же институт может по-разному функционировать в разных условиях. Теперь мы конкретизируем это утверждение.

Начнем с примера, который напрямую не касается пороговых условий, однако связан с явлением, на которое процесс перехода оказывает ярко выраженное влияние, – это выборы. Сложность выборов как института позволяет нам сказать, что несмотря на то, что они проходят и в Аргентине, и в Мексике, и в России, и в США, не во всех этих странах они являются в равной степени демократическими, или же, выражаясь иными словами, в каждой из этих четырех стран выборы проходят по-своему.

В условиях политической конкуренции выборы проходят по-иному. Существует различие между Аргентиной, Россией, Мексикой, с одной стороны, и США – с другой, где наличие жизнеспособных политических партий и кандидатов оказало решающее влияние на то, как в действительности работает институт выборов. Подобным образом на выборы влияет открытый доступ к политическим и общественным организациям. Иными словами, наличие или отсутствие политических организаций оказывает непосредственное влияние

⁴⁸ Например, о роли, которую сыграл отбор в расширении избирательных прав, говорится в работе Алекса Киссера (Alex Keyssar, *The Right to Vote*), а также в книге Маргарет Леви, посвященной призыву на военную службу (Margaret Levi (1997) *Consent, Dissent, and Patriotism*).

⁴⁹ Экономические изменения, вызванные изменениями в способе снабжения британских судов продовольствием, а также в способе их постройки и ремонта рассматриваются Роджерсом Н.А.М. (N.A.M. Rogers, *Command of the Ocean*). Особый интерес представляет собой решение использовать конкурентные договоры с целью повышения качества продовольствия.

на то, как в действительности проходят выборы. Если государство поддерживает только одну политическую организацию, выборы – это не тот механизм, который способен обеспечить политическую конкуренцию.

В любом обществе характер и уровень конкуренции зависят от способности организаций заниматься новыми видами деятельности и конкурировать между собой. Как мы уже подчеркивали, важной характеристикой естественного государства является ограниченный доступ к организационным формам. Многие институты, а возможно, и большинство из них, работают по-иному в условиях конкуренции, обусловленной открытым доступом, в сравнении с условиями ограниченного доступа. В результате, существенное влияние на функционирование институтов в рамках данного общества оказывает то, предполагает ли институциональная поддержка вход организаций в политическую и экономическую систему. Если вернуться к нашему прежнему примеру, то разрешение на вступление в политические организации существенно меняет характер выборов даже в отсутствие институциональных изменений в избирательной системе как таковой. Главный вывод из этого заключается в том, что даже небольшое первоначальное открытие доступа, приемлемое в рамках естественного государства, в дальнейшем способно изменить способ функционирования других институтов данного общества.

В нашей статье уже слишком долго и подробно говорится о том, каким образом пороговые условия порождают институты, совместимые с естественным государством, так что его переход к открытому доступу – это только вопрос времени. Можно ограничиться единственным примером. Корпорация представляет собой организационную форму, которая видоизменяется в течение длительного периода времени. Прежде корпорации создавались с недвусмысленной целью извлечения ренты за счет привилегированного доступа к организационной форме единственной группы, иногда в сочетании с явными ограничениями конкуренции и часто в пользу группы, оказывающей ценные коммунальные услуги. В Европе Нового времени первые корпорации создавались исключительно естественным государством и открыто предназначались для извлечения ренты путем ограничения доступа к данному виду деятельности.⁵⁰

Некогда корпорация получила признание в качестве законной организационной формы, однако внести небольшие изменения в институт как таковой легче, чем радикально изменить политическую и экономическую систему. В 1790-е гг. институциональная поддержка постоянно действующих корпораций имела место в Англии и Франции, Нидерландах и США, но ни в одной из этих стран доступ к организационным формам ни в коей мере не был открытым. Однако оказалось достаточно легко изменить единственный аспект института: норму, ограничивающую число выдаваемых государством документов, содержащих его согласие на создание корпорации. Увеличить число выдаваемых документов можно было в рамках существующих институциональных

⁵⁰ В действительности именно по этой причине Адам Смит критиковал корпорации в работе *Богатство народов*.

норм, правил поведения и представлений.⁵¹ Таким образом, обеспечение открытого доступа к документам, разрешающим создавать корпорации, любому гражданину, выполняющему минимальные требования – как это произошло в начале XIX в. в Великобритании, Франции и США, – одновременно устранило ренту, связанную с ограниченным доступом, повысило уровень конкуренции на многих рынках и расширило возможности предпринимателей по извлечению выгоды от обмена.

С появлением идеи ограниченной ответственности создание с нуля постоянно действующей корпорации было бы исключительно сложным делом. Но в начале XIX в. в США, Великобритании и Франции был открыт доступ к общим процедурам создания корпораций, что сделало широко доступными разрешительные документы. Это институциональное изменение имело огромное значение для функционирования политической и экономической системы, но по своим масштабам оно было незначительным. Пороговые условия содействуют переходу к открытому доступу путем создания совместимых с естественным государством институтов, которые путем незначительных изменений можно приспособить к работе в условиях социального порядка с открытым доступом

7.4. Выводы

Подводя итог, отметим, что пороговые условия способствуют осуществлению перехода к открытому доступу двумя способами. Во-первых, они делают возможным обезличенный обмен между элитами. Возникновение подобного обмена не обязательно вызовет переход. Но в той мере, в которой механизмы перехода усиливают положительные эффекты предельного расширения доступа к организационным формам, обеспечивая получение господствующей коалицией финансовых или политических выигрышей, доступ становится все более открытым, несмотря на то что создание более открытой системы не входило в намерения всех членов элиты (критерий 3).

Во-вторых, пороговые условия могут привести к расширению доступа элит к организационным формам. В результате *на отдельных этапах переход происходит без заметных или явных институциональных изменений*. Расширение доступа к экономическим или религиозным организационным формам имеет

⁵¹ Херст (Hurst) в классическом произведении *The Legitimacy of the Business Corporation* по сути дела утверждает, что в США принятие актов, необходимых для открытого доступа к документам, дающим разрешение на создание корпорации, не представляло собой серьезного институционального изменения, потому что законодательные органы уже выдали подобные разрешения всем желающим. Это преувеличение, поскольку во многих сферах деятельности и многих штатах подобные документы не выдавались каждому, кто этого желал, и иногда предполагали предоставление особых привилегий. Хотя, возможно, Херст прав в том, что в 1840 г. многие выданные государственными законодательными органами документы, содержащие разрешение государства на создание корпорации, были стандартизированы. См. Wallis (2005); Cadman (1949); Dodd (1954); Lamoreaux & Rosenthal, (2004). О том, какие правила поведения действовали в банковской сфере США, см. Wallis, Sylla and Legler (1994).

место, когда порог уже достигнут или начался переход; возможно, что изменится характер политических институтов, к примеру, выборов.

Пороговые условия совместимы как с ограниченным, так и с открытым доступом. Если к моменту, когда общество начинает процесс перехода, институты уже сформировались, то к открытому доступу приспособиться проще; или же, если расширение доступа оказывает влияние на функции других институтов, то осуществление перехода становится менее сложной задачей для общества. Важнейшие институты, которые должны иметься в наличии, – это пороговые условия.⁵²

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный в данной работе концептуальный подход представляет собой теорию, объединяющую политику и экономику. На сегодняшний день во всех развитых странах мира существуют как конкурентная демократия, так и конкурентные рынки. Эта взаимосвязь убедительно свидетельствует о том, что экономические теории, рассматривающие политику как экзогенный фактор, и политические теории, рассматривающие в качестве экзогенного фактора экономику, неспособны объяснить процесс современного общественного развития. В рамках нашего подхода экономика и политика образуют единое целое, и из этого следуют три главных вывода.

Во-первых, социальные порядки с ограниченным доступом по умолчанию выбирались человеческими сообществами в течение последних десяти тысяч лет. Мы назвали политическую и экономическую систему социального порядка с ограниченным доступом естественным государством по той причине, что это *естественная* форма человеческого общества. Для политики развития это имеет огромное значение. Естественные государства – это не те государства, которые не оправдали ожиданий; как правило, они не возникают по злему умыслу злых людей и не являются следствием аномалий в структуре соответствующего общества. В них нет ничего противоестественного. И поскольку естественные государства «здоровы», им не поможет «политическая терапия».

Социальные порядки с ограниченным доступом воздействуют на экономику с целью создания ренты, а затем систематически используют эту ренту для поддержания политической стабильности. Результатом является минимальный социальный порядок, углубление специализации и разделения труда, экономический рост. Существует невероятное разнообразие естественных государств. В области политики, экономики, культуры и применения насилия одни естественные государства добиваются больших успехов, чем другие. В логике, социальной структуре или динамике исторического развития социальных порядков с ограниченным доступом отсутствуют движущие силы, неизбежно преобразую-

⁵² Данный анализ процесса перехода говорит о том, что результаты эмпирических наблюдений институциональных структур в период перехода в духе современных межстрановых исследований могут быть глубоко ошибочными. Если один и тот же институт обеспечивает как ограниченный, так и открытый доступ, мы имеем дело с серьезной эмпирической проблемой.

щие его в социальный порядок с открытым доступом. Поскольку естественные государства обладают внутренними силами, опирающимися на исключительные права, привилегии и извлечение ренты, социальные порядки в них остаются стабильными и потому поддаются преобразованию с огромным трудом.

Во-вторых, социальные порядки с открытым доступом обеспечивают свободный доступ к политическим, экономическим и прочим общественным организациям. Доступ к организациям оживляет конкуренцию во всех системах общества, а конкуренция обеспечивает устойчивость социального порядка. В условиях социального порядка с открытым доступом экономическая и политическая системы связаны так же тесно, как и при социальном порядке с ограниченным доступом, но эта связь становится менее очевидной. При социальном порядке с открытым доступом экономика кажется независимой от политики. Эта видимость независимости нашла отражение как в знаменитом классическом либеральном изречении об ограниченном государстве, так и в представлениях экономистов-неоклассиков, считающих, что рынки возникают раньше государства, а государство вмешивается в их работу. Конкурентная экономика не только нуждается в государстве, которое обеспечивает открытый доступ, определяет права собственности и поощряет конкуренцию, она также требует, чтобы оно могло создавать социальную инфраструктуру, поддерживающую постоянно действующие и исключительно сложные по своей структуре организации. Современные предприятия и растущие рынки не могут существовать вне институциональных рамок, которые формируются благодаря открытому доступу к политической системе.

Подобным образом, политологи долгое время игнорировали решающую роль конкурентного открытого доступа к экономике в обеспечении устойчивого открытого доступа к политике и конкурентной демократии. Современные западные демократии не смогли бы существовать без участия в рыночной экономике, характерной чертой которой является конкуренция в том виде, в каком ее описал Шумпетер: как созидательное разрушение, обусловленное конкуренцией между крупными, хорошо организованными и технологически продвинутыми экономическими субъектами. Современные общественные науки далеки от понимания того, каким образом функционирует как социальный порядок с открытым доступом, так и социальный порядок с ограниченным доступом.

В третьих, наш подход требует иной постановки проблемы развития. В отличие от современной экономической теории мы утверждаем, что экономическое развитие не является поступательным, как это характерно для развития образования, увеличения капитала или внесения коренных изменений в правовые нормы. В каждом из трех последних случаев развивающийся социальный порядок с ограниченным доступом может совершенствоваться, продвигаясь в сторону пороговых условий, но эти инкрементные изменения могут лишь поддерживать существующий социальный порядок и не иметь отношения к процессу развития.

Вместо движения от социального порядка с ограниченным доступом к порядку с открытым доступом принято говорить о процессе экономического развития. Этот процесс очень сложно смоделировать. Вопреки огромному внима-

нию к проблеме экономического развития со стороны международных донорских организаций, со времени окончания Второй мировой войны подобную трансформацию удалось совершить всего лишь восьми странам.⁵³ Согласно нашему подходу, общественное развитие требует преобразования общества на основе перехода от ограниченного к открытому доступу. Такой переход происходит благодаря тому, что мы назвали формированием пороговых условий, которые предполагают коренные изменения как в обществе, так и в государстве. К ним относятся правовые нормы для элит; непрерывное существование организаций, в том числе, государства; осуществление политического контроля над вооруженными силами. Каждое из перечисленных изменений увеличивает размер выигрышей от специализации и обмена; кроме того, они создают механизмы, содействующие развитию обезличенного обмена. По этой причине естественное государство, находящееся на пороге перехода, становится богаче. Кроме того, пороговые условия порождают стимулы к тому, чтобы доступ неуклонно становился все более открытым, и это может вызвать трансформацию естественного государства в государство с открытым доступом.

Мы только начинаем понимать, каким образом взаимодействуют политика и экономика в условиях социального порядка с ограниченным или с открытым доступом. Более того, еще меньше нам известно о процессе перехода от одного социального порядка к другому – процессе экономического и политического развития. До тех пор пока мы не поймем сути социальных порядков, мы не сможем объяснить, каким образом государства переходят от одного социального порядка к другому.

Обществоведение изучает, каким образом люди взаимодействуют в целях создания сложных социальных структур, в условиях которых все мы живем. Из этого следует, что прежде всего нам следует сосредоточить внимание на организациях как группах людей, упорядочивающих свои отношения при помощи долговечных, а иногда и постоянно действующих форм. Организации служат ключом к пониманию того, как функционирует общество, а институты являются ключом к пониманию того, как создаются и функционируют организации. Общество с конкурентной экономической и политической системами не может существовать без открытого доступа к организационным формам. Понимание того, как следует управлять обществом, чтобы обеспечить открытый доступ к организационным формам, играет решающую роль в объяснении процессов современного развития.

ЛИТЕРАТУРА

Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. (2002) Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution, *Quarterly Journal of Economics*, November, 117, 1231–1294.

Acemoglu, D., Robinson, J. (2005) *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge University Press.

⁵³ Более того, ни одна из этих стран не находилась в центре внимания международных донорских организаций.

- Alesina, A., Rodrik, D. (1994) Distributive Politics and Economic Growth, *Quarterly Journal of Economics*, 109, 465–489.
- Alston, L., Ferrie, J. (1985) Labor Costs, Paternalism, and Loyalty in Southern Agriculture: A Constraint on the Growth of the Welfare State, *Journal of Economic History*, XLV March, 95–117.
- Barro, R. (1996) Democracy and Growth, *Journal of Economic Growth*, March.
- Barro, R. (1999) Determinants of Democracy, *Journal of Political Economy*, December.
- Barzel, Y. (2001) *A Theory of the State*, Cambridge University Press, New York.
- Berman, H. (1983) *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Cadman, J. (1949) *The Corporation in New Jersey: Business and Politics, 1791–1875*, Cambridge, Harvard University Press.
- Campos, J., Root, H. (1996) *The Key to the Asian Miracle*, Brookings Institution Press, Washington.
- Claessen, H., Skalnik, P. (1978) *The Early State*, Mouton Publishers, New York.
- Coase, R. (1937) The Nature of the Firm, *Economica*.
- Davis, J. (1961) *Corporations: A Study of the Development of the Origin and Development of Great Business Combinations and their Relation to the Authority of the State*, Capricorn, New York.
- Diamond, L. (1992) Economic Development and Democracy Reconsidered, in Marks, G., Larry Diamond (eds.) *Reexamining Democracy*, Sage Publications, Newbury Park.
- Djankov, S., Glaeser, E., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shliefer, A. (2003) The New Comparative Economics, *Journal of Comparative Economics* 31(4), 595–619.
- Dodd, M. (1954) *American Business Corporations until 1860; with Special Reference to Massachusetts*, Harvard University Press, Cambridge.
- Engerman, S., Sokoloff, K. (2005) Colonialism, Inequality, and Long-Run Paths of Development, *NBER Working Paper* 11057.
- Gellner, E. (1983) *Nations and Nationalism*, Cornell University Press, Ithaca.
- Gierke, O. (1900) *Political Theories of the Middle Age*. Translated by F. W. Maitland, Beacon Press, Boston. (Originally published by Cambridge University Press, 1900.)
- Grief, A., Milgrom, P., Weingast, B. (1994) Commitment, Coordination, and Enforcement: The Case of the Merchant Guilds, *Journal of Political Economy*, 102, 745–76.
- Grief, A. (2006) *Institutions and the Path to the Modern Economy*, Cambridge University Press, New York.
- Haber, S., Razo, A., Maurer, N. (2003) *The Politics of Property Rights: Political Instability, Credible Commitments, and Economic Growth in Mexico, 1976–1929*, Cambridge University Press, Cambridge and NY.
- Heidenheimer, A., Johnston, M., Levine, V. (1989) *Political Corruption: A Handbook*, Transaction, New Brunswick, N.J.
- Hofstadter, R. (1969) *The Idea of a Party System*. University of California Press, Berkeley.
- Hurst, W. (1980) *The Legitimacy of the Business Corporation*, University of Virginia Press, Charlottesville.
- Hurst, W. (1964) *Law and the Conditions of Freedom in the Nineteenth Century United States*. University of Wisconsin Press, Madison.
- Jones, E. (1981) *The European Miracle*. Cambridge University Press, New York.
- Kantorowicz, E. (1957) *The King's Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton University Press, Princeton.

- Keefe, Ph. (2004) Democratization and Clientelism: Why are Young Democracies Badly Governed? *World Bank working paper*, Development Research Group.
- Keefe, Ph. Vlaicu, R. (2005) Democracy, Credibility and Clientelism. *World Bank working paper* 3472, January.
- Keely, L. (1996) *War Before Civilization*, Oxford University Press, New York.
- Kelly, R. (1995) *The Foraging Spectrum: Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways*, Smithsonian Institution Press, Washington.
- Kettering, Sh. (1986) *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth Century France*, Oxford University Press, New York.
- Keyssar, A. (2001) *The Right to Vote*, Basic Books, New York
- Khan, M., Jomo, K. (2000) *Rents, Rent-Seeking and Economic Development*, Cambridge University Press, New York.
- Lamoreaux, N. (2004) Partnerships, Corporations, and the Limits on Contractual Freedom in U.S. History: An Essay in Economics, Law, and Culture. In Lipartito, K., Sicilia, D. (eds) *Crossing Corporate Boundaries: History, Politics, and Culture*, Oxford University Press, New York.
- Lamoreaux, N., Rosenthal, J.L. (2004) Legal Regime and Business's Organizational Choice, *NBER Working paper* 10288, February.
- LaPorta, R., Djankov S., Glaeser E., Lopes-de-Silanes, F., Shleifer, A. (2003) The New Comparative Economics, *Journal of Comparative Economics*, December.
- LeBlanc, S. (2003) *Constant Battles: The Myth of the Peaceful, Noble Savage*, St. Martin's Press, New York.
- Levi, M. (1988) *Of Rule and Revenue*, University of California Press, Berkeley.
- Levi, M. (1997) *Consent, Dissent, and Patriotism*, Cambridge University Press, New York.
- Levy, B., Spiller, P. (1994) Institutional Foundations of Regulatory Commitment: A Comparative Analysis of Telecommunications Regulation, *Journal of Law, Economics, and Organization*, 10, 201–46.
- Livy, T. (1998) *The Rise of Rome, Books 1–5*, Oxford University Press, New York.
- Landes, D. (1999) *The Wealth and Poverty of Nations*, W.W. Norton, New York.
- Lipset, S. (1959) Some Social Requisites of Democracy, *American Political Science Review*, March, 69–105.
- McIlwain, Ch. (1947) *Constitutions Ancient and Modern*, Cornell University Press, Ithaca.
- Machiavelli, N. (1996) *Discourses on Livy*. Translated by Mansfield H., Tarcov, N., University of Chicago Press, Chicago.
- Machiavelli, N. (1988) *The Prince*, edited by Skinner Q., Price, R., Cambridge University Press, New York.
- Marx, K. (1992) *Capital*, Penguin, New York.
- Milgrom, P., Roberts, J. (1992) *Economics, Organization, and Management*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N.J.
- Morris, I. (2004) Economic Growth in Ancient Greece, *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, December, 160, 709–42.
- North, D. (1981) *Structure and Change in Economic History*, Norton, New York.
- North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*, Cambridge University Press, New York
- North, D. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press, Princeton.
- North, D., Weingast, B. (1989) Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17th Century England, *Journal of Economic History*, December, 49, 803–32.

- Nye, J. (1967) Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis, *American Political Science Review*, June, 61, 417–27.
- O'Donnell, G., Schmitter, Ph. (1986) *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusion about Uncertain Democracies*, Johns Hopkins University Press, Baltimore.
- Olson, M. (1993) Democracy, Dictatorship, and Development, *American Political Science Review*, 87(3), 567–75.
- Olson, M. (1982) *The Rise and Decline of Nations*, Yale University Press, New Haven.
- Przeworski, A., Alvarez, M., Cheibub, J., Limongi, F. (2000) *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge University Press.
- Rodrik, D., Subramanian, A., Trebbi, F. (2004) Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development, *Journal of Economic Growth*, vol. 9, no.2, June.
- Rose-Ackerman, S. (1978) *Corruption: A Study in Political Economy*, Academic Press, New York.
- Rosenberg, N., Birdzell, L.E. (1987) *How the West Grew Rich*, Basic Books, New York.
- Seavoy, R. (1982) *The Origins of the American Business Corporation, 1784–1855*, Greenwood Press, Westport.
- Schumpeter, J. (1942) *Capitalism, Socialism, and Democracy*, Harper Colophon, New York.
- Scott, J. (1987) *Weapons of the Weak*, Yale University Press, New Haven.
- Scott, J. (1972) *Comparative Political Corruption*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N.J.
- Shleifer, A., Vishny, R. (1993) Corruption, *Quarterly Journal of Economics*, August, 103, 599–617.
- Smith, A. (1776) *The Wealth of Nations*.
- Steckel, R., Rose, J. (2002) *The Backbone of History: Health and Nutrition in the Western Hemisphere*, Cambridge University Press, New York.
- Steckel, R. (2006) *Stones and Bones*, mimeo.
- Tilly, Ch. (1993) *Coercion, Capital, and European States: 990–1992*, Blackwell Publishing.
- Wallis, J. The Concept of Systematic Corruption in American Economic and Political History. In Goldin, C., Glaeser, E. (eds.) *Corruption and Reform*, University of Chicago Press, Chicago.
- Wallis, J. (2005) Constitutions, Corporations, and Corruption: American States and Constitutional Change, 1842 to 1852, *Journal of Economic History*, 65, March, 211–256.
- Wallis, J. (2003) Market Augmenting Government? The State and the Corporation in 19th Century America. In Azfar, O., Cadwell, Ch. (eds.) *Market-Augmenting Government: The Institutional Foundations for Prosperity*, University of Michigan Press, Ann Arbor.
- Wallis, J., Sylla, R., Legler, J. (1994) The Interaction of Taxation and Regulation in Nineteenth Century Banking. In Goldin, C., Libecap, G. (eds.), *The Regulated Economy: An Historical Approach to Political Economy*, NBER, University of Chicago Press, 1994.
- Weber, M. (1947) *The Theory of Social and Economic Organization*, Free Press, New York.
- Weber, M. (2001) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, Routledge, London.
- Weingast, B. (2006) Self-Enforcing Constitutions: With An Application to Democratic Stability in America's First Century, *Working Paper*, Hoover Institution, November.
- Williamson, O. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism*, Free Press, New York.